

Сергей Тармашев

Наследие

От автора

Дорогие читатели! Прежде чем вы познакомитесь с этой книгой, я бы хотел сказать о ней несколько слов. Первая ее часть может показаться перегруженной сложными научными данными. Однако я все же рекомендую отнестись к этим сведениям со всей серьезностью. Они достоверны и основываются на работах многих современных ученых – генетиков, биологов, вирусологов. Таково действительное положение дел в мире, и если мы не предпримем ничего, чтобы его изменить, фантастическая история второй и третьей частей может стать для наших потомков черной реальностью. Я посчитаю свой труд, и труд всех тех, кто помогал мне в сборе материалов для этой книги, не напрасным, если вы наберетесь терпения «пробиться» через научную аргументацию, не раздраженно ожидая ее завершения, но вдумчиво разобравшись в изложенных фактах.

Для удобства восприятия все величины в этой книге приведены в единой метрической системе, в том числе и в тех землях, где она традиционно не используется. Не стоит считать это ошибкой.

Автор благодарит за экспертные консультации и предоставленные материалы следующих научных специалистов: президента Общенациональной Ассоциации генетической безопасности (ОАГБ), кандидата биологических наук Баранова Александра Сергеевича; заслуженного работника культуры Российской Федерации, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора географических наук Горкина Александра Павловича; председателя совета директоров ЗАО «ОКЕАН-БАНК», кандидата экономических наук Гранкина Владимира Владимировича; директора московского представительства компании NAC INTERNATIONAL Синева Андрея Николаевича; доцента кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидата филологических наук Зеленину Елену Васильевну.

Автор выражает глубокое уважение всем российским ученым, самоотверженно продвигающим отечественную науку в условиях жалкого финансирования, не поддающимся соблазну обменять свою честь и безопасность страны на щедрый ливень зарубежных грантов и премий.

Пролог

Угличский Центр Сохранения Генетических Ресурсов, 200 км от Москвы, 23 ноября 2267 года, 11 часов 25 минут по времени Волжского Каскада

Седой человек в застиранном белом халате вздрогнул, словно пораженный электрическим разрядом, и замер, глядя на исцарапанный экран ноутбука. Электронная машина явно была долгожителем, ее внешняя крышка уже давно потеряла остатки краски, обнажив пластиковую поверхность, надколотую в нескольких местах. Для надежности на повреждения когда-то наклеили полоски широкого скотча, но под действием времени его края ссохлись, отлепились и закрутились в тоненькие трубочки, создавая сходство с берестой. При этом сей «берестяной» девайс ничем не выделялся на фоне интерьера знававшего лучшие времена тесного кабинета.

Грубые, наскоро выкрашенные серой краской стены, заставленные стеллажами с ворохом изрядно потрепанных книг, всевозможных бумаг и рваных картонных коробок, были практически не видны в тусклом освещении. Посреди грязного потолка, небрежно побеленного когда-то очень давно, а сейчас густо покрытого трещинами, одиноко торчал железный крюк, некогда предназначавшийся для крепления потолочной люстры. Скорее всего, таковая имелась в этом кабинете много лет назад, сейчас же ее место занимал кое-как привязанный к крюку прямо за электропровода обычный электрический патрон, в который был вкручен скудный источник света – мутная лампочка сорока ватт. В борьбе с мраком за господство над пространством кабинета сие потолочное светило безнадежно проигрывало.

Тусклый свет почти не достигал обшарпанного пола, покрытого ныне затертым донельзя, но когда-то роскошным дубовым паркетом. Пара заваленных различным хламом видавших виды столов, ютившихся в разрывах облепивших стены стеллажей, вкуче со сломанным креслом завершали общую картину убогого внутреннего убранства.

Хозяин кабинета еще несколько секунд не отрывал взгляда от монитора, усыпанного открытыми окнами файлов, затем поднял очки на лоб и машинально потер переносицу пальцем.

– Я нашел ее! – самодовольно заявил он самому себе. – Никто не верил, никто! – Он победно усмехнулся. – А я нашел. Профаны! Ха!

Он вскочил со старенького стула, от чего тот жалобно заскрипел, и решительно направился к двери. Рядом с ней в темном углу обнаружился одежный шкаф, дверцы которого, судя по всему, давным-давно канули в Лету. Старик бережно снял истертый от времени белый халат и аккуратно повесил его на отдельную вешалку, особняком висящую в дальнем углу шкафа. После чего извлек из его темных дебрей огромных размеров бараний тулуп и принялся с кряхтением натягивать его, непрерывно бубня что-то себе под нос. Судя по вырывающимся из общего потока фраз возгласам: «Невежды!», «Профаны!» и «Они не верили мне! Как это типично!», старик адресовал свою обличительную речь неким давним оппонентам. Наконец, когда тулуп был побежден, к нему добавился такой же огромный толстый шарф и не менее огромная ушанка. Маленькая тщедушная фигурка, закутанная в тулуп, обмотанная шарфом в несколько витков и увенчанная шапкой с нелепо торчащими в разные стороны ушами, представляла собой крайне комичное зрелище.

Человек неуклюже подошел к столу и выдернул шнур питания из гнезда ноутбука. Тот жалобно пискнул предупреждающим сигналом, и на панели тотчас мигнул индикатор разряженной батареи. Старик сокрушенно покачал головой, аккумулятор давно уже не держал заряд, но заменить его возможности не было, а отдать в починку означало остаться без ноутбука, что было для старого ученого смерти подобно. Он осторожно закрыл ноутбук и засунул его за пазуху. Затем, окинув утопающий в сумраке кабинет победным взглядом, выдвинулся в коридор.

Узкий коридор был прямым и поистине бесконечным. Стены его через каждые несколько метров перемежались стандартными дверьми, а потолок – тусклыми осветительными плафонами. Откуда-то из-под потолка доносился монотонный гул насосов, закачивающих воздух из фильтровальных установок в вентиляционную систему. Каждые двадцать пять метров коридор разделяли вертикальные шлюзовые затворы, в отсутствие тревожного положения всегда открытые. Все это в совокупности, по мнению ученого, напоминало электричку времен XX века, только без пассажирских сидений. По крайней мере, именно так он себе ее представлял.

Коридор был практически безлюден, лишь один раз ему навстречу попался человек, закутанный в точно такие же необъятные зимние одежды. Оба, не сбавляя шага, кивнули друг другу, даже не попытавшись встретиться взглядами. Преодолев метров сто коридора, старый ученый, тяжело дыша, уперся в бронеплиту выходного шлюза. Сидящий за толстым бронестеклом наблюдательного окна охранник лениво потянулся к пульту управления и ткнул пальцем в кнопку. Зажужжали сервоприводы, и дверной створ неторопливо полез вверх.

– Мне нужно срочно увидеть Президента! – старик, не дожидаясь полного открытия двери, неуклюже скрючился и прошмыгнул в открывшийся проход.

– Добрый день, господин профессор! – шепеляво захрипели изношенные динамики, укрепленные под потолком. – Я не могу выпустить вас наружу.

Профессор ошеломленно воззрился на дородного мужчину в униформе. Тот весело улыбался ученому через окно, выполненное в боковой стене шлюза, за которой располагалось помещение охраны.

– Что вы этим хотите сказать, милостивый государь?! – негодуяще воскликнул профессор. – Это дело государственной важности! Немедленно отворяйте!

– Не имею права! – все так же весело улыбался охранник.

– Да как вы смеете! – возмутился старик. – Я сделал столь важное открытие, что я не имею права вести его обсуждение никоим образом, кроме личного доклада! Сию же секунду отворяйте дверь! Мое открытие не просто важно, оно сверхважно!

– Бронежилет для почтовых голубей? – Охранник сделал круглые глаза.

– Что?! – Профессор задохнулся от возмущения. – Молодой человек! Вы так же далеки от науки, как наука от вас! Между прочим, тот проект имел глубокий смысл, но я не собираюсь вступать с вами в дискуссию! Немедленно отворяйте, либо я напишу на вас жалобу вышестоящему начальству, нет, лично Президенту! – грозно сверкнул глазами старик.

– Не имею права, – обреченно вздохнул охранник. – Не имею права выпустить вас наружу, дорогой профессор, в лабораторных тапочках. Такова инструкция. Там, кстати, минус тридцать семь. За Периметром пурга метет третьи сутки.

Ученый приподнял полы тулупа и обреченно уставился на свои ноги, обутое в разношенные матерчатые туфли.

– Вот незадача... – поник старик, представив путь до своего кабинета и обратно. Добравшись до шлюза, он изрядно взмок и порядком обессилел, и поэтому перспектива преодоления этой дистанции еще дважды полностью выбила его из колеи.

Штурвал кремальерного затвора провернулся, открывая вход в помещение охраны, и на пороге появился охранник с парой огромных валенок в руке.

– Вот, наденьте мои, профессор! – сжалился над стариком человек в униформе. – Только при одном условии. – Он вновь весело улыбнулся, глядя на нелепую фигурку, утопающую в тулупе. – Пообещайте обязательно вернуть до конца смены!

– Что вы! – воскликнул профессор, обретая второе дыхание. – Разумеется! Верну в целостности и сохранности! Премного вам благодарен! Вы прямо-таки мой спаситель!

Старик засуетился, пытаясь влезть в безразмерные валенки, что в его наряде сделать было не так-то просто. В конце концов, охранник, покачав головой, подошел к ученому и, присев на одно колено, обул его, словно ребенка.

– Вот так-то лучше! – одобрительно пробурчал здоровяк, окидывая отеческим взглядом ученого. – Теперь я могу выпустить вас со спокойной совестью.

Профессор забормотал слова благодарности, но охранник уже скрылся за мощной дверью и спустя пару секунд появился в окне за пультовым столом. Он коротко махнул старику рукой, давая понять, что процесс шлюзования начался.

На улице действительно было очень холодно. Едва профессор ступил наружу, как открытые нос и щеки доложили ему, что охранник не преувеличивал. Ледяной воздух зацепил слизистые оболочки носовых пазух, и профессор привычно перешел на неглубокое дыхание. Он остановился, задрал голову, разглядывая поверхность Периметра, видневшуюся над верхними этажами гермокорпусов, и прислушался. Периметр неровно гудел под порывами бьющего в него снаружи ветра. Масштабная пирамидальная конструкция из стального каркаса и полупрозрачного полимера, подобно крыше деревенской избы из давно ушедших в небытие веков, накрывала собой площадь в двадцать пять квадратных километров. Она опиралась на мощные железобетонные стены и подпиралась в свою очередь настоящим лесом высотных корпусов, верхние плоскости которых служили основанием для крепления могучих подпорок. Спасение людей от смертельно опасной внешней среды и одновременно

предмет их неустанных забот. Тридцать тысяч человек, штат ОКЦП, отдела контроля за целостностью Периметра, денно и нощно следили за его состоянием вот уже двести лет. Кстати, а ведь согласно архивам, сто пятьдесят лет назад полимерные пластины внешнего слоя Периметра еще были совершенно прозрачными и даже не преломляли солнечных лучей, вспомнил старик. Но теперь изодранная многими десятилетиями ветров, словно наждаком, некогда идеально гладкая поверхность исцарапалась, полностью потеряла былую шлифовку и приобрела грязно-желтый оттенок.

Из-за сильной пурги солнечного пятна видно не было, и поэтому казалось, что мутная поверхность Периметра сама излучает свет. Старик попытался разглядеть, как на двадцатиметровой высоте ветер играет снежинками, гоняя их по наклонным поверхностям Периметра, но не смог и с грустью вспомнил, как в детстве в солнечные дни ему это удавалось. Он вздохнул, и холодный воздух, наполнив легкие, мгновенно вывел его из раздумий. Сейчас внутри Периметра даже холоднее, чем снаружи, стальные балки конструкций и железобетонные стены Периметра Центра Сохранения Генетических Ресурсов буквально раскалились от холода под действием ледяного ветра. Если так пойдет и дальше, то спустя пару дней внутри Периметра шкала термометра упадет ниже отметки в сорок градусов. Хоть Центр и выстроили возле ГЭС, отапливать полмиллиарда кубометров пространства было непозволительной роскошью. Как и охлаждать, если бы Периметр располагался в жарких широтах. Конструкция ЦСГР концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн» была стандартной по всему миру: квадрат пять на пять километров, обнесенный мощной железобетонной стеной двухметровой толщины в десять метров высотой, накрытый двухслойной прозрачной крышей, форма которой зависела от модификации. Внутри Периметра в строгом геометрическом порядке параллельно друг другу располагались цепочки герметических корпусов, разделенных между собой улицами и редкими перекрестками. Семь этажей под землей и от двух до пяти этажей над ней, в зависимости от удаленности от стен Периметра. Снаружи Периметр опоясывал так называемый «военизированный пояс», в просторечии ВП, – фортификационные сооружения, отвечающие за безопасность ЦСГР и отслеживающие зону отчуждения километровой ширины. Вот и вся география больших консервных банок, рассчитанных на один миллион человек каждая и призванных сохранить остатки человеческого генофонда до судного дня. Если, конечно, они исхитрятся до него дожить, прости невежественных внуков своих, Шаро Предрекшая!

Старик пожегился и торопливо засеменил в сторону административного гермокорпуса. Протопать по лютому холоду предстояло почти километр. Опять же, если верить архивам, изначально по улицам ходил общественный транспорт, но когда сто лет назад численность населения упала до отметки в шестьсот тысяч человек, содержание его стало настолько убыточным, что администрация Угличского ЦСГР приняла решение о расформировании Отдела Общественного Транспорта и демонтаже его активов. Все пошло на запчасти. Что уж теперь-то говорить, когда в Центре и полумиллиона не осталось. Персональный транспорт положен только офицерскому составу, а об общественном помнят только легенды. Профессор остановился и перевел дух. Эх, а ведь когда-то он преодолевал вдвое большее расстояние от дома до выходного шлюза Периметра играючи. Годы, годы... Годы уже не те, и силы уже не те. Кому есть дело до мучений страдальца, сгибающегося под грузом прожитых лет, но спешащего открыть человечеству тайну его спасения? А ведь могли бы и оценить беспрецедентную важность его исследований, благодаря которым теперь у планеты появился шанс. Так ведь мало того, что не оценили, так еще и посмеивались втихомолку, называя за спиной псевдоученым. И кто в результате оказался прав? Мысль о долгожданной победе придала ученому сил, и профессор припустил дальше с удвоенной скоростью.

Как и следовало ожидать, в такой мороз на улицах было немногочленно, и в этом был свой плюс. Не придется стоять в очереди перед входом в административный гермокорпус. Когда старик наконец-то

достиг ближайшего шлюза, он уже окончательно выбился из сил. Ученый подошел к видеорегистрационной панели входа и надавил кнопку вызова, но так и не смог произнести ни слова. Несколько секунд он пытался восстановить дыхание. К счастью, кто-то из операторов систем видеонаблюдения узнал его, и на этот раз все обошлось без формальностей. В теплых помещениях гермокорпуса настроение старика значительно улучшилось, и в приемную Президента Угличского ЦСГР он вошел, будучи настроенным весьма решительно. Профессор хотел произвести серьезное впечатление на новую помощницу Президента, слухи о которой вот уже вторую неделю разносились по Центру.

– Здравствуйте, господин профессор! – Новая помощница Президента встретила его радушной улыбкой. – Чем могу помочь?

– Здравствуйте, Сашенька. Мне нужна срочная аудиенция! Это дело государственной важности, совершенно не терпящее отлагательств! – строго заявил профессор, поднимая вверх указательный палец, дабы подчеркнуть всю важность момента, и торопливо добавил: Позволю себе напомнить вам, что у меня есть личное разрешение Президента на внеочередную аудиенцию, если обсуждаемое дело подпадает под классификацию «государственная тайна». Это определено его личной резолюцией на моем заявлении от двенадцатого июня 2259 года под входящим номером...

– Конечно-конечно, господин профессор! – Сашенька была сама доброта. – Я осведомлена о ваших полномочиях! Не волнуйтесь, господин Президент сейчас проводит сеанс связи с Заволжским ЦСГР, и, как только он освободится, я немедленно доложу ему о вашем визите. Давайте, я вам помогу!

Она вышла из-за стола и принялась помогать ученому снимать зимнее облачение, справиться с которым профессору никак не удавалось. Он уже извлек из дебрей тулупа свой ноутбук и теперь крепко прижимал его к груди, безуспешно пытаясь одной рукой размотать шарф. Сашенька ловко извлекла седого ученого из вороха ушанок-шарфов-тулупов и усадила в гостевое кресло.

– Присаживайтесь, господин профессор! – Она сноровисто поместила профессорскую экипировку на вешалку. – Не желаете чая? На улице просто ужас что творится, такой холод!

– Не откажусь, – профессор поспешил сменить официальный тон на миролюбивый, – признаться, я изрядно замерз по дороге сюда...

– Одну секундочку! – Сашенька упорхнула в хозяйственную комнатку и тут же выглянула оттуда: Вам с подсластителем?

– Разве еще есть лимит? – удивился профессор.

– Сегодня же холодно! – Сашенька вновь сверкнула улыбкой. – Посетителей было немного! Так я добавляю?

– Сделайте милость, голубушка, побалуйте старика, – ученый заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

Новая помощница Президента оказалась весьма милой девушкой, доброй и обаятельной. Впрочем, прежняя на первых порах тоже была сама кротость. Но так как должность помощницы Президента всегда совпадала с ролью его любовницы, все они довольно быстро осваивали привилегированное положение и столь же быстро входили во вкус. А по завершении данной метаморфозы житья от них не было никакого. Профессор напряг память, вспоминая всех женщин, которых ему довелось видеть сидящими за секретарским столом за свою долгую службу в научном аппарате Президента Угличского ЦСГР, и вынужден был признать, что почти никто из них не предлагал ему чая, и уж точно никто не тратил на это строго лимитированный подсластитель. И судя по скорости увеличения в размерах их «седалищного нерва», профессор небезосновательно делал вывод об истинных причинах «вечной скудности» суточного продовольственного лимита, выделяемого канцелярии Президента на нужды официального этикета.

– Вот, угощайтесь на здоровье! – Сашенька подала ему на подносе большую дымящуюся кружку.

Помимо нее на подносе стояла небольшая вазочка из ажурного хрусталя, в которой лежал предмет, слишком сильно похожий на настоящий сладкий пряник. Профессор поморгал глазами. Пряник не исчезал. Тогда он позволил себе податься поближе к подносу и прищурился, напрягая ослабевшее с годами зрение. Пряник был абсолютно реален.

– Эмм... – Профессор никак не ожидал такого роскошного приема. – Сашенька, голубушка, вы меня ни с кем не спутали? – Он постарался произнести эту фразу как можно более осторожно.

– Ну что вы! – сверкнула зелеными глазами девушка. – Как можно! Вы – профессор Сеницын Николай Федорович, наш главный историк и географ, я вас прекрасно помню, вы даже принимали у меня экзамен по истории четыре года назад.

Старик взглянул в ее лицо, напрягая память, но так и не смог вспомнить. Уж больно много у нынешней молодежи схожих черт лица, слишком велик инбридинг в рамках небольших популяций, столетиями живущих обособленно друг от друга. Проводящийся обмен генетическими материалами между Центрами лишь немного замедлял этот процесс. За свою жизнь Сеницын имел возможность пронаблюдать, как население Центра в силу демографических причин сократилось на сто тысяч...

– И что поставил? – автоматически осведомился профессор, протягивая руку к заветному прянику.

Последний раз откусить пряника ему доводилось лет десять назад, когда его возраст еще позволял находиться в списках неограниченно трудоспособного населения и соответственно иметь стандартный продовольственный паек.

– Двойку! – хихикнула Сашенька.

Старческая рука замерла на полпути к прянику.

– Да вы не волнуйтесь! – беззаботно заявила помощница Президента. – Я сама была виновата, не готовилась совсем. Вы потом заболели, и я пересдавала Елене Георгиевне.

Сашенька поставила поднос на столик у кресла и упорхнула к своему рабочему месту, продолжая что-то щебетать о том, что география была явно не ее стихией, зато литература всегда была ей по душе. Слушая ее вполуха, профессор принялся за пряник и сладкий чай. Горячая жидкость разлила внутри приятное тепло, и старик почувствовал, как затихает гул в натруженных ходьбой ногах. Да пошлет этой милой девушке счастья Шаро Предрекса! И заодно пусть проследит, чтобы ее не испортило высокое положение. Впервые старик испытывал искреннюю симпатию к помощнику Президента.

Профессор неторопливо оглядывал президентскую приемную. Бывать здесь ему доводилось нечасто, а не отстояв долгую запись, и вовсе никогда. Помещение еще хранило следы былого великолепия. Массивная деревянная мебель, витиеватые люстры ручнойковки, декоративные панели, скрывающие радиаторы отопления. Идеально ровные стены и потолок, покрытые краской без малейшего следа трещин, чисто отмытые, без единой пылинки. Тут даже воздух другой, свежий и бодрящий, сразу чувствуется, что на это помещение работает отдельная фильтровентиляционная установка. Да, государственный аппарат как-никак, высший эшелон власти.

На секретарском пульте звякнул колокольчик, и Сашенька скрылась за огромной дверью из настоящего дерева. Спустя пару минут она вернулась и сообщила:

– Проходите, господин профессор. Господин Президент ждет вас.

Ученый торопливо поднялся с кресла, неуклюже поправил на себе затертый пиджак, отчего его внешний вид только пострадал, и, бережно сжимая старенький ноутбук, решительно шагнул в двери президентского кабинета.

– И все же, уважаемый профессор, вы уверены, что ошибки быть не может? – В голосе Президента явно слышалось недоверие. – Ведь подобные открытия за последние двести лет делались неоднократно. Но никто так ничего и не нашел. Вы лучше меня знаете, что официальная наука считает «Наследие» Шаро Предрекшей не более чем мифом.

– Я полностью отдаю себе отчет в том, как выглядит мое заявление в свете официальной науки, – Синицын поправил съехавшие на нос очки, – но позволю себе напомнить, что занимаюсь этой проблемой всю свою научную карьеру! Я потратил сорок лет на поиски и исследование архивных данных, исторических и устных упоминаний о Шаро Предрекшей и ее жизни, и теперь абсолютно убежден, что правильно истолковал и эпитафию, и замысел Великой Шаро.

Профессор вновь зашуршал кипой распечаток, в который раз раскладывая их перед Президентом.

– Я повторю коротко, чтобы подчеркнуть саму суть! – с жаром принялся объяснять старик. – Вот на этом документе основывается официальная научная позиция. – Он потыкал неровно обстриженным ногтем в одну из бумаг. – Шаро Предрекшая, в миру Алена Шаройкина, создатель и глава МАГБ, Международной Ассоциации Генетической Безопасности, умерла незадолго до наступления хаоса. Спустя десять лет, когда полностью оправдался ее первый прогноз и окружающая среда стала враждебной для генетически чистого человека, мировая общественность фактически причислила ее к лику святых, и церкви ничего не оставалось, как официально подтвердить этот статус. Последние годы своей жизни Шаро провела в Москве, на территории Новодевичьего монастыря, где располагался последний из ее приютов для лиц, имеющих генетическую инвалидность. Достоверно известно, что завещание покойной было исполнено в точности: ее тело кремировали, прах развеяли по воздуху с колокольни. В своем завещании Шаро сообщала, что не желает иметь могилу. Все свои средства, коих на момент смерти было немного, она завещала монастырю. Такова официальная версия, которая всем известна.

Синицын накрыл документ новым листом, стараясь случайным движением не стереть текст с целлулоидной поверхности многоразовой бумаги.

– А вот данные из закрытых архивов службы коммерческой безопасности «Сёрвайвинг Корпорэйшн» тех лет, из которых следует, что концерн вполне серьезно относился к слухам о некоей программе «Наследие», якобы тайно разрабатываемой МАГБ. Тысячи сотрудников были задействованы в поисках секретной лаборатории Великой Шаро, имеются многолетние регулярные отчеты о проделанной работе от руководителей американского, швейцарского, российского и даже китайского филиалов службы безопасности.

– Но ничего так и не нашли, – нахмурился Президент. – Почему вы считаете, что вам в одиночку удалось сделать то, что не смогла сделать служба безопасности крупнейшего в человеческой истории концерна, безгранично управляющего всем миром, в распоряжении которого имелись мощнейшие технологии того времени? Согласно Уставу российского отделения концерна, после вступления в должность Президента, я был обязан ознакомиться с основными разделами закрытых архивов, так что имею представление об этом деле. Насколько я помню, оно было закрыто еще до наступления хаоса.

Синицын украдкой бросил взгляд на Президента поверх очков. Похоже, тот еще не потерял терпение. Это было хорошим знаком. Надо отдать ему должное, Президент был сильным руководителем. Бывший начальник службы безопасности Угличского ЦСГР, генерал Федотов недавно был избран на второй четырнадцатилетний президентский срок, причем на выборах у него не было ни одного конкурента. Что совсем неудивительно, учитывая при каких странных обстоятельствах погиб его предшественник. Но с избранием Федотова Центр буквально очнулся от спячки: новый Президент первым делом серьезно усилил службу безопасности, являвшуюся, по сути, армией, затем навел порядок среди чиновников и укротил бюрократию. Поначалу кое-кто был против его столь

решительных действий, поползли даже слухи о вотуме недоверия, но после того как десяток человек был попросту выдворен за границу зоны отчуждения, все протесты прекратились сами собой. Тем временем новый Президент очистил окрестности от лигов, возобновил археологические рейды и захват рабов, что реанимировало промышленность Центра. Он вновь открыл летнее судоходство между Угличским и Рыбинским ЦСГР, восстановил взлетно-посадочную полосу и отремонтировал два самолета, наладив воздушное сообщение со всеми Центрами от Заволжского до Дивногорского. Предыдущий Президент был куда менее эффективен, совсем не чета Федотову, который, помимо прочего, обладает весьма редким для начальника его уровня качеством – умением выслушивать до конца предложения, не вызывающие у него энтузиазма. И, похоже, сейчас как раз такая ситуация.

– Именно в этом и есть ответ на ваш вопрос, господин Президент! – Синицын торопливо достал еще одну распечатку. – Дело было закрыто до наступления хаоса! Не стоит недооценивать МАГБ, Шаро Предрекшая имела в своем распоряжении те же самые технологии и немалые средства. Вот, обратите внимание, из материалов швейцарского отделения службы безопасности следует, что попытки обнаружить тайные счета МАГБ не увенчались успехом, и отследить финансовые потоки Ассоциации после запрещения ее политической деятельности тоже не удалось. Отсюда можно сделать вывод, что таковые все-таки имели место. Кроме того, российское отделение докладывало о наличии некой конфиденциальной части завещания Великой Шаро, содержание которой предназначалось только для руководства Новодевичьего монастыря. О чем там шла речь, выяснить не представилось возможным, хотя попытки надавить на монастырь предпринимались весьма серьезные. Информацию так и не добыли, что впоследствии и послужило основанием считать конфиденциальную часть завещания не существующей на самом деле. К тому времени МАГБ уже фактически распалась и не представляла угрозы для «Сёрвайвинг Корпорэйшн», в результате дело закрыли. Вскоре свершилось второе предречение Шаро Предрекшей – мировая экономика рухнула, наступил хаос, и всем стало не до «Наследия». Оно осталось лишь в легендах лигов и, что примечательно, с течением столетий стало основной их религиозной фабулой.

Старик перевел дух и рискнул еще раз посмотреть на Федотова. Президент молча глядел на него, ожидая продолжения. Нехороший знак. Но отступать Синицын не собирался, дело всей его жизни лежало сейчас на президентском столе, нанесенное плохо сохнувшей краской на истрепанные листы целлулоида. Ученый глубоко вздохнул и продолжил:

– В ходе многолетних изысканий мне удалось найти упоминание об одном интересном факте, информация о котором относится к первым десятилетиям хаоса, когда лиги еще не везде были столь враждебны, как впоследствии. В те времена некоторым представителям ЦСГР удавалось совершать паломничество в Новодевичий монастырь, к месту последней прижизненной обители Великой Шаро. Так вот, в одном из отчетов прямо сказано, что на территории монастыря есть памятная плита с эпитафией, являющаяся для лигов, несомненно, весьма важной святыней. Место вокруг той плиты редко пустовало, якобы к ней приходили лиги, многие из которых шли издалека, а некоторых, не имевших возможности передвигаться самостоятельно, приносили на руках. Все они возносили у этой плиты молитву Шаро Предрекшей. Показательно, что текст на плите не имел никакой подписи и гласил:

*«Здесь нет меня, нет праха, нет печали.
Хранит земля лишь след моей души,
В надежде на спасенье страждущего мира,
Слезы разбившейся хрустальную частицу».*

На вопрос о том, в чем смысл эпитафии, лиги из монастыря уклончиво отвечали, что «след души» место, где Великая Шаро любила поразмышлять в последние дни своей жизни. Я никогда не придавал этому значения, но сегодня наткнулся на один файл, который кардинально изменил все!

Синицын выхватил из кипы следующий кусок целлулоида.

– Это данные по истории, любезно предоставленные нам ЦСГР острова Русский. Семь лет назад, во время тестирования работоспособности спутника связи, между нашими Центрами запускались различные информационные потоки. Для прогона тогда требовались файлы очень больших размеров, и поэтому использовались в основном архивные данные, так как...

– Я помню, как это происходило. – Федотов сделал жест рукой. – Не уходите в сторону, профессор.

– Да-да, конечно! – заторопился Синицын. – Так вот, многое из того архива, что отправляли нам из ЦСГР «Русский остров», оказалось на английском языке. Наиболее вероятно, что они сами получили эти данные при подобном же тестировании связи с одним из американских Центров и, судя по всему, довольно давно. К сожалению, у меня редко доходили руки до перевода, а указанный архив имеет колоссальную емкость. Но сегодня я обнаружил в архиве историческую справку, ссылающуюся на рассказ некоего очевидца. Документ датирован началом третьего десятилетия хаоса и описывает странный ритуал лигов, распространенный в окрестностях развалин американского города Лос-Анджелеса. Очевидец точно описывает место, где находится некая мемориальная плита, у которой как местные, так и пришлые лиги возносят молитвы Шаро Предрекшей. Очевидец сообщает, что под этой плитой якобы находится могила доктора Сэмюэля Уэйна, одного из ведущих генных инженеров концерна, широко известного своим предательским переходом из «Сёрвайвинг Корпорэйшн» в МАГБ. Историческая справка относит этот рассказ к разделу курьезов, питающих нынешнюю псевдорелигию лигов. Доподлинно известно, что Уэйн завершил свои дни среди лигов калифорнийского ареала. После смерти они выполнили его последнюю волю: тело доктора было сожжено на костре, прах развеян над морем. Так что могилы не существует.

Профессор позволил себе мгновение паузы, чтобы отдышаться.

– Теперь суть открытия. Надпись на той мемориальной плите в переводе на русский полностью идентична надписи на плите Новодевичьего монастыря! – Он победно посмотрел на Президента. – Вот видите! Все сходится, ошибки быть не может!

Президент продолжал молча разглядывать профессора. Пауза затягивалась. Наконец он покачал головой и произнес:

– Так что же все-таки сходится, господин Синицын? – Федотов нахмурился. – Я надеюсь, вы не хотите сказать, что под этими якобы существующими плитами и зарыто «Наследие» Великой Шаро?

Старик похолодел. Неужели ему не удалось убедить Президента? Заинтересовать хотя бы немного? Сорок лет жизни и кропотливой работы с десятками, сотнями километров архивных строк и давно забытых исторических данных... Не может быть, чтобы все это оказалось никому не нужным именно сейчас, когда он разгадал величайшую тайну цивилизации, из последних сил пытающейся выжить? Профессор собрал волю в кулак и попытался придать своему голосу как можно более решительное звучание:

– Нет, господин Президент, «Наследия» там нет. Если верить легендам лигов, то «Наследие» должно быть чем-то поистине колоссальным, чем-то, что способно спасти наш обезображенный мутациями мир и избавить от страданий самих лигов. Но я глубоко убежден, что эти две одинаковые плиты появились не просто так. Равно как и два практически одинаковых и довольно экзотических для того времени способа упокоения. Люди, подобные Великой Шаро и доктору Уэйну, не стали бы ничего делать без всякого смысла. Я уверен, все это – символы. Некий ребус, предназначенный потомкам. Тем, кто с высоты прошедших лет окажется в состоянии увидеть главное, сумеет отринуть тщету

борьбы за власть и деньги, приведшую мир к хаосу. Плиты лежат не зря. Недаром надписи на них в точности дублируют друг друга и красноречиво дают понять, что земля под ними хранит «след души» Шаро Предрекшей. Там, под ними, лежит ключ к «Наследию»! Возможно, указатель! Господин Президент, мы должны снарядить археологический рейд! Сейчас самое удобное время: зима, сильные холода, насекомые в спячке, концентрация пыльцы не столь высока, большая половина ее видов в замороженном состоянии, низкая активность канцерогенов и токсинов, лиги и мутафауна в малоподвижной фазе, многие из них спят...

– Подсолнухи никогда не спят! – отрезал Федотов. – Да вы вообще понимаете, что предлагаете? – Похоже, Президент был близок к взрыву. – Переход за две с половиной сотни километров в одно из самых опасных мест, какое только можно себе представить. А если рейд погибнет? Такое уже бывало. А финансовая сторона вопроса? Вы хоть представляете, уважаемый профессор, во сколько обойдется Центру это ваше путешествие?

– Только горячее... – испуганно забормотал старик.

– А оно, по-вашему, из воздуха возникает?! – Президент красноречиво рубанул ладонью воздух. – Вы даже понятия не имеете, во что нам обходится его приобретение. А какие сейчас морозы?! Если, да хранит нас от этого Шаро Предрекшая, что-то из техники встанет колом на марше на таком удалении от Центра? Мы потеряем боевую единицу и тем самым уроним военную мощь! И как вы собираетесь добираться до Москвы зимой? По компасу? Спутник проходит над нами раз в шесть часов. Об этом вы подумали?

– Теоретически мы сможем добраться... – промямлил бледный, как снег, профессор. – Я все просчитал... основываясь на аэрофотосъемке... вот данные, проложенный курс...

Он трясущейся рукой протянул Президенту оставшуюся кипу распечаток.

– Теоретически? – саркастически ухмыльнулся Федотов. – Положите на стол. – Он коротко ткнул подбородком в направлении пустого угла своего стола. – Вы свободны, господин профессор. Моя помощница сообщит вам о моем решении позже. Можете идти!

– Но... господин Президент, позвольте мне объяснить...

– Ступайте, господин Синицын! Меня ждут государственные дела!

Едва Федотов произнес последнюю фразу, как двери его кабинета открылись, и на пороге появилась Сашенька.

– Прошу вас, господин профессор, – она сделала приглашающий жест, – позвольте, я помогу вам одеться.

Профессор спешно покинул президентский кабинет. Он был подавлен, раздосадован и не переставал ругать себя за столь неубедительную речь. Зато Сашенька была сама доброта. Закутывая ученого в тулуп, она ласково успокаивала старика, мол, все будет хорошо, просто сейчас Президента ждут срочные дела, но позже он детально изучит все представленные ученым документы. Наконец процесс облачения профессора в зимние одежды был завершен, и Сашенька закрыла за ним массивные двери президентской приемной.

Как только шарканье профессора стихло, она вошла в кабинет Президента и, томно улыбаясь, обвила его шею руками.

– Подслушивала? – усмехнулся Федотов. – По глазам вижу!

– Да, милый, – созналась Сашенька, – просто было так интересно, у профессора в распечатках чуть ли не в каждом предложении упоминалась Шаро Предрекшая, я не смогла удержаться!

– Не ври, – весело хмыкнул милый, будучи старше своей новой пассии в два раза с небольшим. – Великая Шаро тут ни при чем, ты подслушиваешь все подряд.

– Я больше не буду! – пообещала Сашенька. – Дорогой, неужели тебе совсем не интересно узнать, что на самом деле под той плитой? – Она задержала дыхание от любопытства.

– Не интересно, – ответил Федотов. – Совсем.

– Значит, ты не пошлешь туда рейд? – погрузилась Сашенька.

– Пошлю.

– Правда?! – обрадовалась помощница. – Но ты же сказал, что тебе не интересно!

– Мне – нет, – снисходительно улыбаясь, объяснил Федотов. – Но самое позднее к исходу завтрашнего дня о находке Сеницына будет знать весь Центр. Рано или поздно об этом узнают и другие. Так что это уже политическое событие. И я должен разумно на него отреагировать. Заодно попробуем извлечь из всего этого выгоду. Проведем разведку местности за рекой Жабня на предмет технологических раскопок. И если от Новодевичьего монастыря остались хотя бы развалины, то там наверняка зимуют лиги, вряд ли много – уж больно голодно переживать морозы в развалинах, в лесах – то полегче будет. Но кто-то наверняка не захотел уходить с мест своих так называемых святынь, да и других можно будет собирать на обратном пути. Так что отправим с рейдом «свинарник» и обзаведемся новыми рабами, их сейчас очень не хватает – многие издохли в такой холод.

К центральному выходному шлюзу Периметра Сеницын явился за добрых полчаса до назначенного времени. За прошедшую неделю под действием сильного ветра температура внутри упала до минус сорока двух градусов, но, несмотря на жуткий холод, возле входа собралась солидная толпа провожающих. Последние пять дней весь Центр только и говорил о предстоящем рейде, любой разговор, начинавшийся по вполне обыденному поводу, менее чем через пять минут сводился к обсуждению готовящегося предприятия. Из-за непрекращающейся пурги отправление рейда откладывалось вот уже трижды, но сегодня с самого утра за Периметром стоял полный штиль, и было понятно, что выезд состоится. Проводить колонну пришли несколько тысяч человек, и сейчас закутанные в стандартные тулупы и ушанки люди переминались с ноги на ногу, не давая себе замерзнуть, из-за чего вся эта огромная масса народа напоминала профессору волнующееся рябью море.

Всю неделю Сеницын находился в приподнятом расположении духа. Это был его звездный час, недаром его коллеги по ученому цеху, не скрывавшие своего пренебрежительного отношения к его историческим изысканиям, все как один, рассыпались в поздравлениях, едва канцелярия Президента объявила о его открытии и предстоящем рейде. Первые два дня профессор только тем и занимался, что отвечал на звонки и принимал заверения в крепкой и искренней дружбе. Потом началась тщательная подготовка к рейду, сопутствующие расчеты и уточнения, и стало не до лизоблюдов. Сеницын до последнего не верил, что ему будет позволено войти в состав рейда, но Президент согласился удовлетворить его прошение неожиданно легко. И вот теперь, облаченный в новенькую, прямо со склада, боевую экипировку, профессор гордо подходил к массивной громаде главного шлюза. Эмоциональный подъем был настолько велик, что старик забыл о своей одышке и шагал так бодро, будто на него не надели добрых пятнадцать килограмм снаряжения, но наоборот, сняли с плеч лет сорок. Люди, собравшиеся у входа, при виде человека в скафандре биологической защиты расступались, освобождая дорогу. Многие приветствовали его жестами, и хоть узнать кого-либо среди людей, затянутых в лицевые повязки, было проблематично для слабых старческих глаз, профессор старался отвечать всем легкими кивками и улыбкой. Увесистый гермошлем противогаза делал это занятие далеко не таким простым, каким оно могло бы показаться на первый взгляд. К тому моменту, когда Сеницын вошел внутрь здания, его шея уже отказывалась повиноваться хозяину. Створ

внутреннего шлюза за его спиной закрылся, и ученый остановился, в нерешительности оглядываясь вокруг.

– Профессор Сеницын? – Звук шел откуда-то издалека, словно из глубокой бочки. – Николай Федорович?

Профессор развернулся на голос и вздрогнул от неожиданности. Прямо перед ним стоял крупный мужчина в военной форме с капитанскими погонами.

– Можете снять противогаз! – Он постучал пальцем по профессорскому лицевому щитку. – Он вам пригодится позже.

– Ах, да, – спохватился ученый, – разумеется! – Он суетливо завозился с креплениями гермошлема. – Совсем позабыл, совсем. Я от дома пешком шел, а в нем, знаете ли, гораздо теплее, термоконтур совсем новый, превосходно держит температуру...

Пальцы в перчатке из толстой армированной резины соскальзывали с креплений, и профессору никак не удавалось их расстегнуть. Капитан коротко улыбнулся и ловкими движениями сноровисто выполнил за ученого необходимую процедуру. Затем он аккуратно снял противогаз и вложил его старику в руки.

– Капитан Ермаков, – представился военный. – Я отвечаю за вашу безопасность, так что на время рейда мы будем неразлучны. – Он снова улыбнулся. – Давно не приходилось покидать Периметр?

– Да-да, мне говорили о вас на совещании! – закивал профессор. – Знаете, раньше я частенько бывал снаружи, мне довелось принимать участие в восьми археологических рейдах, но после достижения пенсионного возраста... – он виновато развел руками. – Потерял сноровку. Давно это было, уважаемый... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Михаил Владимирович. Можно просто Михаил.

– Весьма польщен! – ответил профессор. – Так вот, Миша, рассейте мои сомнения. За эти годы экипировка претерпела некоторые изменения или это память сыграла со стариком злую шутку?

– Все верно, – кивнул Ермаков, – изменения были, так что вашей памяти можно позавидовать. – Он взглядом показал на свое снаряжение: Это девятая модификация зимнего СБЗ, скафандра биологической защиты, ее разработали семь лет назад в Дивногорском ЦСГР. Мы производим такие здесь уже лет пять. Очень удачная модификация. Фильтры стали долговечнее, рация мощнее, емкость автономного питания возросла почти втрое, усилили термоконтур, увеличили площадь лицевого щитка противогаза, изменили армирование, так что прочность скафандра стала намного выше. Доработали подвесную систему, теперь автомат из положения «за спину» в положение «на грудь» можно перевести одной рукой, система отвода отходов жизнедеятельности стала удобнее. Да много чего полезного, не зря поработали сибиряки. Я вам в дороге все подробно расскажу и покажу, путь предстоит неблизкий. – Капитан указал рукой в сторону коридора: Пойдемте, господин профессор, через пятнадцать минут состоится смотр готовности личного состава рейда, затем погрузка. Технику уже подают к транспортному шлюзу.

Колонна покинула Периметр только в полдень, намного позже запланированного срока. Пока проводили смотр, пока устраняли недостатки, по большей части надуманные военным руководством, пока проводили смотр повторно – теряли время практически впустую. При каждой новой заминке командующий рейдом, полковник Потапов, мрачнел все сильнее. Даже Сеницын, будучи человеком сугубо гражданским, стал замечать, как подчиненные прикладывали все силы к тому, чтобы не оказаться слишком близко к взбешенному командиру. Затем грузились в технику, герметизировались, обменивались докладами, слушали торжественное радиообращение Президента, выступившего с напутствием, после чего, браво ревя турбинами, проходили мимо толпы провожающих, – в общем, в

результате часов пять утекло, словно вода сквозь пальцы. Наконец внешние ворота центрального шлюза закрылись за замыкающей колонну машиной, и рейд начался. Профессору определили посадочное место возле Ермакова в гермокунге гусеничного тягача, тащившего на прицепе «свинарник» усиленную арматурой теплушку на колесах, специально предназначенную для транспортировки захваченных в рабство лигов. Помимо их двоих в кунге расположилось еще восемь бойцов из подразделения Ермакова. В голове колонны шел танк, за ним БМП с десантом внутри, потом профессорский тягач со «свинарником», далее БМП полковника Потапова, за которой шел еще один тягач с солдатами в кунге. Только вместо «свинарника» к нему была прицеплена бронированная емкость с горючим. Замыкала колонну еще одна БМП.

Президент Федотов отправил в рейд серьезные силы – четыре единицы боевой техники и почти сорок человек десанта. С такой армией в успехе предприятия профессор не сомневался. Кто бы мог подумать, что на закате жизни ему посчастливится своими глазами увидеть Москву! Не иначе как сама Шаро Предрекшая ниспослала ему это вознаграждение за долгие годы, возложенные на алтарь науки. Вот только его спутник явно не понимал значимости момента. Ермаков в который уже раз посмотрел на часы и лишь покачал головой.

– Вас что-то тревожит, Миша? – поинтересовался Синицын.

– Полдня псу под хвост, – поморщился капитан. – Хорошо, если успеем до темноты пройти половину пути. Скверная ситуация, в опасное время в Москву попадаем.

– Полноте, молодой человек! – успокоил капитана старик. – В этом нет кардинальной разницы. Я лично рассчитывал маршрут. Наша колонна будет двигаться по данным аэрофотосъемки, это существенно упростит навигацию, ключевые точки будем уточнять по спутнику, как только он будет проходить над нами. Согласно проложенному курсу, до Москвы двести шестьдесят километров, это максимум двенадцать часов пути с учетом того, что через речные мосты техника будет проходить по очереди. До темноты еще шесть часов, так что мы успеваем организовать ночевку в пустынном месте. К тому же в морозные зимы и лиги, и мутафауна малоподвижны. Вам совершенно не о чем беспокоиться!

Однако Ермакова это не успокоило.

– Я не сомневаюсь в правильности ваших расчетов, профессор, но дело не только в них, – голос капитана в головных телефонах звучал хрипло и надтреснуто.

Внутренняя линия связи и энергии, к которой в целях экономии автономного энергоресурса подключались скафандры находящихся внутри техники людей, была такая же древняя и изношенная, как сама техника.

– До темноты мы пройдем половину пути, опять же если в дороге не случится ничего непредвиденного, – продолжал Ермаков. – Затем ночевка, двигаться ночью равносильно самоубийству: или заблудишься, или потеряешь технику в какой-нибудь засыпанной снегом яме. К восьми утра мы сможем продолжить движение. Стало быть, в лучшем случае в полдень будем в Москве. Затем нам предстоит пройти через город. Никто не знает точно, что там сейчас творится. Последний раз успешный рейд ходил туда почти двадцать лет назад, а это очень давно. Двенадцать лет назад был еще один рейд, и никто не вернулся. Заволжский ЦСГР за последние семь лет дважды посылал туда рейды, из которых один так же пропал без вести, а второй повернул обратно, будучи в десятке километров от Священной МКАД. И они до сих пор благодарят Шаро Предрекшую за то, что ниспослала это чудесное спасение – им посчастливилось услышать в эфире переговоры подсолнухов, – он болезненно поморщился. – Сколько времени мы будем пробираться к этому вашему монастырю? И сколько времени мы будем рыться в снегу в поисках плиты? – Ермаков хмуро покачал

головой. – А ведь надо еще наловить рабов и выбраться из города. Так что у нас есть все шансы встретить ночь на опасном удалении от Москвы.

– Несомненно, ваши доводы имеют веские основания, но, полагаю, в нашем случае все не так фатально, – возразил Сеницын. – Сейчас зима, нет ни хлябей, ни мелких водных преград, передвижение облегчено. Наша техника укомплектована системами эхолокации и тепловидения, мы сможем избежать падения в крупные пустоты и заранее обнаруживать лигов. Место, в котором следует искать плиту, описано довольно точно, так что много времени это не займет. Единственная заминка может возникнуть как раз с отсутствием лигов, а не с их присутствием. Позволю себе напомнить вам, что все описанные вами неудачные рейды проводились летом. Нынешняя зима одна из самых холодных за прошедшее десятилетие, мы можем вообще не встретить лигов. Тогда президентская программа по захвату рабов может оказаться под угрозой срыва. Три года назад, если мне не изменяет память, в октябре, Рыбинский ЦСГР провел успешное исследование Москвы с дирижабля и произвел подробную аэрофотосъемку. За три дня наблюдений не было обнаружено никакой активности лигов. А сейчас холода не в пример осенним. Повторюсь, есть большая вероятность, что лиги либо покинули город, либо спят.

– Подсолнухи никогда не спят, – покачал головой Ермаков. – И увидеть их можно только тогда, когда они сами того захотят, но это будет последнее, что суждено тебе увидеть. Так что никакой дирижабль тут не поможет. А насчет того, что лиги покинули город, я вам вот что скажу. Прислушайтесь! – Он приложил указательный палец к лицевому щитку противогаза в районе губ, призывая к тишине. – Слышите? Взгляните сами.

Напрягать слух не пришлось – по мере движения колонны через военизированный пояс к зоне отчуждения все громче приближалось беспорядочное дробное уханье. Профессор подсел к триплексу наружного обзора и покрутил рукояти-верньеры, настраивая резкость картинки под старческое зрение. Колонна проходила мимо позиций минометной батареи, ведущей огонь в сторону Углича.

– От наблюдателей с ГЭС пришло сообщение, что в городе снова зашевелились лиги, – прокомментировал капитан. – Минометчики с утра утюжат. Потом наши пойдут чистить дорогу до ГЭС, сегодня день смены недельной вахты. Рисковать нельзя, город между Центром и ГЭС, точно на пути вахтовых транспортов, в которых будет полно гражданских лиц.

Он меланхолично пожевал губами.

– За двести лет Углич превратился в руины, там давно уже нет ничего хоть сколь-нибудь ценного. Только лиги все равно упрямо туда возвращаются. Как видите, даже нынешняя зима им не указ. Я много времени провожу за Периметром и могу сказать: никто не знает, что ими движет. Некоторые из них, те, чьи страдания особенно тяжелы, специально выходят к рейду, чтобы попасть в рабство в надежде получить болеутоляющее. Но так поступают далеко не все. И в бойцов рейда летят не только камни, копы и стрелы. Иногда случается попадать в спланированные засады, устроенные с применением огнестрельного оружия, как было в Ярославле два месяца назад. Знаете, что я думаю, профессор? – Ермаков посмотрел в глаза ученому: Я думаю, что те, кто составляет теории поведения лигов, довольно далеки от реальности. Им стоит хотя бы иногда бывать в боевых рейдах. – Его взгляд смягчился, и на губах появилась виноватая улыбка. – Вы не подумайте плохого, Николай Федорович, это я не вас имею в виду.

Чтобы не попасть под огонь своих минометов, колонна обошла Углич, двигаясь по самым его окраинам. Всю дорогу профессор провел, прильнув к перископу триплекса, изучая окружающую обстановку, однако увидеть даже одного лига ему не удалось. Вскоре заснеженные развалины города, сотрясаемые взрывами, остались позади, и колонна углубилась в лес. Унылое зрелище бесконечной

череды узловатых, искореженных мутациями и покрытых зловонными наростами деревьев никакого научного интереса не представляло, и ученый заскучал. Он пробовал было продолжить разговор с Ермаковым, но военные выглядели обеспокоенно и не отрывались от перископов, ожидая нападения, и капитан отвечал односложно, рассеянно и часто вообще невпопад. Тогда Сеницын принялся размышлять о сделанном открытии. Что же именно он найдет под заветной плитой? Как Великой Шаро удалось сохранить в тайне свое грандиозное творение? В том, что оно действительно грандиозное, ученый не сомневался. И самый важный вопрос, мучивший его на протяжении всех этих лет, – что же это такое?

Механики-водители боевых машин хорошо знали эти места, но полковник Потапов предпочел двигаться осторожно, ежесекундно сверяя данные аэрофотосъемки с показаниями эхолотатора. Чахлая лесная растительность не представляла для тяжелых боевых машин серьезной преграды, большие деревья ломались под танковыми гусеницами словно спички. Но рисковать никто не хотел, и колонна двигалась медленно. Профессор не заметил, как заснул, убаюканный монотонной тряской тягача. В результате он чуть не врезался в стену от резкого наклона, в самый последний момент Ермаков успел подхватить профессора, уже оторвавшегося от сидения.

– Что происходит? – испуганно воскликнул ученый, пытаясь протереть глаза через лицевой щиток противогаза. – Нападение?!

– Пока еще нет, – улыбнулся капитан, – сходим с насыпи, просто большой угол наклона поверхности.

– Где мы сейчас? – Сеницын глянул на часы.

Выходило, что он проспал почти два с половиной часа.

– Подходим к Калязину, – ответил капитан. – Со стороны железнодорожного моста через Жабню. Сам мост еще цел, я был здесь в рейде полгода назад. Но выдержит ли он тяжелую технику, это вопрос. По имеющимся данным, последний раз им пользовались двенадцать лет назад, во время пропавшего рейда, но тогда в его составе не было танков.

– Железнодорожные мосты строились на века, молодой человек, – назидательно заявил Сеницын, – и рассчитывались на весьма и весьма тяжелые составы. По моим расчетам, все мосты на нашем пути еще достаточно надежны.

Ермаков пожал плечами:

– Я только буду рад, если практика не разойдется с вашей теорией. И если этим мостам никто не помог потерять расчетную надежность.

– Десанту – к машине! – радиоэфир ожил голосом полковника Потапова.

– Входим в город, – сказал профессору Ермаков и, обернувшись к своим людям, отдал команду.

Десантники отключились от внутренней сети тягача, и капитан провернул штурвал кремальерного запора. Над открывающимся люком вспыхнула облезлая лампочка сигнала биологической опасности. Бойцы выскочили наружу, и люк начал закрываться. Однако, не дойдя до конечного положения, остановился и задержался.

– Твою мать! – выругался Ермаков. – Опять гидравлика заедает!

Он подошел к люку и с размаху пнул его. Дергание прекратилось, но закрывать люк пришлось уже руками.

– Мы с вами останемся здесь, – он обернулся к профессору, – вы можете наблюдать за окружающей обстановкой через триплекс, я по мере сил попробую объяснить вам суть происходящего.

Профессор последовал совету капитана и с интересом разглядывал, как пешие бойцы, развернувшись в цепи, под прикрытием техники входили в мертвые развалины, две сотни лет назад бывшие небольшим, но очень уютным городком.

К мосту вышли быстро. В соответствии с планом рейда, весь личный состав, за исключением механиков-водителей, покинул технику для прохода через мост. Сначала на ту сторону отправилась разведгруппа из десятка бойцов. Спустя полчаса от них пришел доклад: мост не имел видимых серьезных разрушений, противник не обнаружен. Первым отправили тягач со «свинарником», потом второй, за ними прошли БМП и танк. Мост в некоторых местах зловеще скрипел, но нагрузку выдержал. Последними переправились люди. Бойцы Ермакова образовали кольцо, внутрь которого капитан поставил профессора, и в таком порядке следовали через мост непосредственно до люка в гермокунг тягача.

– Эта предосторожность была излишней, любезный Михаил Владимирович! – Старик, кряхтя, взобрался на подножку кунга. – Мои предположения оправдались, в это время в городах лигов нет.

– Предосторожности лишними не бывают. – Ермаков отрицательно мотнул головой, втискиваясь во входной люк вслед за Синециным. – Вот через этот триплекс посмотрите.

Ученый взялся за указанный перископ.

– Прямо в пяти метрах от нас видите развалившееся здание из красного кирпича?

– Секунду, молодой человек... – старик завозился с верньерами резкости, – да, вижу. Но там пусто. В развалинах никого нет.

– Приглядитесь к левой стене, – настаивал капитан. – Видите, рядом с ней зараженное дерево? Между куском арматуры, что торчит возле стены, и этим деревом на высоте человеческого роста натянута веревка. Видите?

– Да-да, теперь вижу, – пригляделся профессор. – Весьма любопытно, веревка сохранила неплохое натяжение за столько лет. Довольно любопытно. Вероятно, дело тут в колебании температур за последнюю неделю...

– Ее натянули не так давно, – прервал его размышления Ермаков, – когда колонна вышла к мосту, на ней висело одеяло, довольно большое, иначе бы мне не удалось разглядеть его в бинокль. Сейчас, как видите, веревка пуста. Мы спугнули кого-то, и этот кто-то, уходя, забрал свои вещи с собой.

– Но передовой отряд передавал об отсутствии лигов! – воскликнул профессор. – Какая невнимательность!

– Передовой отряд доложил об отсутствии противника, – поправил ученого Ермаков. – Лиги, живущие в этом доме, не собирались нападать. Они ушли при нашем приближении.

– Мне необходимо сейчас же осмотреть это место! – заявил Синецин. – Это может оказаться весьма продуктивным в научном плане!

– Это может оказаться весьма продуктивным в плане попадания в засаду, – ответил капитан и тоном, не допускавшим возражений, добавил: Никаких экскурсий, Николай Федорович, у нас на счету каждая минута, три часа до темноты. И никто из нас не был на этой стороне реки дальше окраин городских руин.

В этот момент по внутренней радиосети пришел приказ полковника Потапова на отправление, и колонна тронулась в путь. Один из бойцов повернул выключатель, и под невысоким потолком кунга вспыхнула пара кварцевых ламп, предназначенных для первичной биологической дезинфекции. Одна из ламп тут же замигала и погасла. Боец протянул к ней руку и осторожно постучал пальцем по патрону. Лампа вспыхнула вновь. Боец криво усмехнулся и занял свое место.

До Поречья шли практически по прямой, через пустынную заснеженную равнину. Лишь однажды на пути им попались какие-то чахлые заросли, судя по всему, останки некогда цветущей здесь рощицы. К мосту через Нерль вышли менее чем за час, и операция по переходу на другой берег в точности повторилась. Недалеко от моста профессор увидел развалины церкви и невольно остановился,

разглядывая покосившийся остов полуразвалившейся колокольни и ветхий дырявый купол, каким-то чудом еще удерживающийся на обломке здания.

– Пойдемте, профессор, пора отправляться! – поторопил его Ермаков. – На прогнившие дома в Москве посмотрите, там их побольше будет.

– Это не прогнивший дом, Миша! – Профессор, вздохнув, направился к тягачу. – Согласно старым картам, эта церковь имела колокольню выше, чем многие московские храмы! Раньше это был красивый памятник старины, с пятью синими куполами, с не дошедшими до наших дней...

– Нам надо спешить, Николай Федорович, пойдемте быстрее! – Капитан бесцеремонно перебил ученого и, взяв его за руку, решительно повел за собой. – Весь мир не дошел до наших дней. Таких памятников тут на каждом шагу. Поменьше бы среди них находиться, если забьются фильтры – так в этом музее навсегда и останешься...

От Поречья началась самая сложная часть пути, и возможности воспользоваться триплексами профессору больше не представилось. Военные непрерывно вели наблюдение, сменяя друг друга. По их отрывочным фразам, время от времени звучащим в радиосети, Синицын не мог составить более или менее связное представление о происходящем. Но по характерной тряске тягача, преодолевающего незначительные препятствия, профессор сделал вывод, что колонна идет через лес, и под гусеницами хрустят стволы поваленных танками деревьев.

Полковник Потапов пытался придерживаться разработанного маршрута, составленного на основании данных аэрофотосъемки трехлетней давности, проведенной дирижаблем Рыбинского ЦСГР. Но движение приходилось осуществлять по компасу и теоретически рассчитанным азимутам, точно установить местоположение рейда можно будет через три часа, когда спутник вновь войдет в зону досягаемости.

Дважды наблюдатели замечали свежие следы на снегу, но определить, принадлежат они лигам или представителям мутировавшей фауны, на ходу не представлялось возможным. Ермаков глядел на часы все чаще и хмурился все сильнее, пока, наконец, колонна не вышла из леса на открытое пространство. Здесь военные заметно повеселели, и их спокойствие передалось профессору. Он вновь углубился в изучение аэрофотоснимков Новодевичьего монастыря, пытаясь определить местонахождение плиты Шаро Предрекшей как можно точнее. Из раздумий его вывела остановка колонны.

– Похоже, перед нами озеро, – ответил Ермаков на его немой вопрос. – А его на нашем маршруте быть не должно. Сегодня дальше не пойдем, скоро станет совсем темно. Надо ждать спутник.

Синицын некоторое время изучал карту местности с маршрутом рейда, но так и не смог уверенно ответить себе на вопрос, где именно они находятся и на какое озеро натолкнулись. Ермаков получил вызов от Потапова и убыл к нему на совещание. Спустя сорок минут он вернулся с навигационным планшетом и в скверном расположении духа.

– Только что появился спутник, – мрачно сказал капитан, обращаясь ко всем сразу. – Были уточнены наши координаты. Мы сбились с расчетного курса на двадцать километров к западу и движемся прямо на Солнечногорск. До него осталось шестьдесят километров.

Профессор буквально кожей почувствовал охвативший людей страх. Даже ему, человеку, уже фактически прожившему жизнь, стало не по себе. Солнечногорск... Арел обитания подсолнухов – самых жутких из всех лигов, безжалостных и таинственных монстров, о которых толком ничего не известно. Двести с лишним лет назад в этом городке размещалось одно из самых грозных и боеспособных подразделений специального назначения ГРУ ГШ Министерства обороны России. Элитные бойцы. Вокруг столицы в ту пору было размещено множество различных подразделений, особенно полицейских сил, но потом обстановка в мире резко изменилась, и практически все они перестали существовать. Но солнечногорский спецназ расформировывать не стали. Наоборот, его

поддерживали в боеспособном состоянии до последнего, используя в качестве заслона против враждебно настроенных лигов и тех, кто не захотел бросать своих родных с генетической инвалидностью. В архивах имеются свидетельства о кровопролитных боях, проходивших по всей Москве в первые дни хаоса, когда правительство срочно вывозило из города в ближайшие ЦСГР запасы продовольствия, медикаменты и все, что могло представлять ценность для выживания. Миллионы лигов и тысячи оставшихся в столице чистых были брошены на произвол судьбы. Но солнечногорскому спецназу не нашлось места в штатах ЦСГР – цены на жилье внутри спасительных периметров оказались им не по средствам. И в самый последний момент отряд просто бросили. В указанное время на базу отряда не прибыл транспорт для эвакуации, на запросы в радиозэфире ответом было лишь молчание да треск далеких помех. Спецназ остался без средств существования в городе со стремительно возрастающим уровнем биологического заражения и миллионами горящих ненавистью лигов. Бойцы попытались самостоятельно добраться до Завидовского ЦСГР, считавшегося убежищем правительства и государственной элиты, но служба безопасности Центра встретила их минометным огнем, и уцелевшие скрылись в неизвестном направлении, унося с собой убитых и раненых. По этой причине так и не удалось определить, кто выжил, и с того момента никаких официальных данных о солнечногорском спецназе в архивах концерна не было.

Лет через пять начала появляться информация о неизвестных лигах, ставших ужасом для всех окрестных ЦСГР. Кто они такие, откуда и как выглядят – никто так и не узнал. Обычные лиги, захваченные в рабство, ничего толком не знали, кроме того, что неизвестные называют себя подсолнухами, ведут борьбу с Центрами и оказывают помощь всем остальным. Поначалу особого значения этому не придавали. Затем стали без вести пропадать рейды, высылаемые Центрами в Москву и близлежащие населенные пункты. Со временем потери рейдов увеличивались, особенно страдал Завидовский ЦСГР, находящийся ближе всех к столице. Дошло до того, что спустя двадцать лет завидовцы объявили о подготовке мощной боевой операции по поиску и уничтожению подсолнухов, не побоявшись направить крупные силы в обезображенную пожарами и эпидемиями столицу. Но карательный рейд до Москвы так и не дошел. Колонна вошла в Солнечногорск и из него так и не вышла. Назад не вернулось ни одного человека. О том, что там произошло, не сохранилось никаких документов, так как сам Завидовский ЦСГР не сохранился до наших дней. Ужасная трагедия произошла буквально через год, и ее обстоятельства также остались загадкой. Завидовский ЦСГР внезапно перестал выходить на связь. Торговый дирижабль завидовцев, находившийся в это время в Рыбинском Центре, срочно ушел домой и на следующий день вернулся обратно. Находившиеся в состоянии шока члены экипажа рассказывали жуткие вещи: весь Центр был объят ревушим пламенем, купол рухнул, наземные постройки выгорели дотла, огненные столбы вырывались уже из-под земли. Все изрыто огромными воронками, повсюду тела убитых, и ни одной живой души. Почти миллион человек был уничтожен за одну ночь. Как именно это случилось, так никто и не узнал. С тех пор слухи и жуткие байки прочно укрепили мнение, что это дело рук подсолнухов, и будто бы они не просто особо злобные лиги, а потомки бойцов расстрелянного правительственными минометами солнечногорского отряда спецназа ГРУ. Некоторые даже поговаривали, что это были сами расстрелянные спецназовцы, восставшие из мертвых, чтобы отомстить за предательство. Слухи ходили самые разные, от вполне правдоподобных до совершенно абсурдных. Как бы то ни было, но Москва и ее окрестности стали опасным местом. В поисках рабов и другой добычи близлежащие центры старались посылать рейды в менее опасные направления.

И вот сейчас их рейд совершил столь рискованное отклонение от маршрута.

– Что планирует предпринять полковник Потапов? – поинтересовался Синицын, стараясь выглядеть как можно более спокойным.

– Занимаем круговую оборону, – поморщился Ермаков. – Готовим лагерь к ночевке, выставляем наблюдателей у тепловизора. Затем ужинаем и спим, строго соблюдая светомаскировку. Что тут еще предпримешь, снаружи темень, хоть глаз выколи. Двигаться опасно, издали привлечь к себе внимание освещением – еще хуже. Так что ждем рассвета и выдвигаемся с нужной поправкой на юго-запад.

Бойцы покинули кунг, и профессор остался один на один с тусклой лампочкой сигнала биологической опасности.

Ночь прошла беспокойно. Спать на узких жестких нарах было крайне неудобно, и профессор с непривычки постоянно бился гермошлемом о стену кунга. От глухого удара он просыпался, в первую секунду не понимая, что случилось, затем вновь забывался зыбким сном. За ночь дважды объявляли тревогу – наблюдатели замечали вдали одинокие движущиеся огни. Однако огни не приближались и довольно быстро пропадали. Других происшествий, к счастью, не случилось, но и без этого профессору два раза приснился один и тот же кошмар, в котором он пытался спастись бегством от жутких подсолнухов. Во сне он был моложе лет на сорок, и почему-то в своем лабораторном халате, без всяких средств защиты. Он бежал по объятых пламенем коридорам Центра, а за ним с хриплым ревом неслись с копьями и дубинами какие-то совершенно невообразимые существа, с головы до ног утыканные клыками и когтями.

Перед самым рассветом пошел густой снег, и видимость заметно ухудшилась. В результате продолжить движение стало возможным лишь к восьми утра. Это только добавило напряжения к всеобщему тревожному состоянию, люди стремились как можно скорее сойти с опасного направления. Вскоре стало понятно, что снег зарядил надолго и ждать улучшения видимости не приходится. Колонна тронулась на малой скорости, и Синицын подумал, что опасения Ермакова, возможно, далеко не так надуманны, как ему показалось изначально.

Военные непрерывно наблюдали за местностью, сменяя друг друга у триплексов, и, чтобы скоротать время с пользой, профессор принялся за сравнение географических карт. Теперь, когда их положение на местности было сверено со спутником, предстоящий маршрут выглядел гораздо понятней, но лишний раз уточнить детали не помешает. Тем более сейчас, когда дело пошло вразрез с предварительными расчетами. Карта двухсотлетней давности практически не имела ничего общего с недавней аэрофотосъемкой, но в сложившейся ситуации могут пригодиться любые ориентиры. Судя по старой карте, колонна должна будет пересечь две железные дороги. На новой карте ничего подобного видно не было. Видимо, насыпи были невысокими, и за двести лет их занесло землей под действием ветров. Весьма прискорбно, поморщился ученый, железнодорожное полотно могло быть отличным путеводителем. После двухчасового сличения обеих карт Синицын все же нашел решение. Если следы первой железной дороги обнаружить было, судя по всему, нереально, то вторую можно попытаться отыскать. Когда-то это была широкая двухколейная дорога, вдоль которой стояли бетонные столбы, несущие на себе провода линии питания электропоездов, а по мере приближения к Москве по обе стороны путей все чаще располагались полустанки, перроны и небольшие населенные пункты. Некоторое следы этих строений можно было различить на аэрофотосъемке. Другой вопрос, будут ли они видны сейчас, под снегом.

Профессор попросил Ермакова организовать связь с полковником Потаповым и высказал свое предложение. Он считал самым правильным найти старую железную дорогу и дальнейшее движение продолжать по ней. Полковник пробурчал что-то про теоретиков, никогда не ломавших глаза в попытках отыскать что-то в условиях почти нулевой видимости, но корректировку курса колонны все

же произвел. Ермаков воспринял идею Синицына также без энтузиазма, разделив сомнения своего командира в успешности поисков в такую метель.

Однако на этот раз, волею Шаро Предрекшей, все обошлось. Спустя час головной танк буквально уперся в остов старой пассажирской платформы. Посредством эхолокатора и металлодетектора удалось довольно быстро найти железнодорожное полотно, и колонна по путям двинулась в сторону Москвы. Сквозь стену снегопада можно было различить развалины каких-то строений, тянущихся вдоль бывшей дороги. Когда-то здесь был населенный пункт, возможно, даже небольшой город, но сейчас профессор затруднялся определить, где именно они находятся. Если судить по старой карте, колонна должна проходить то ли Пушкино, то ли Мытищи...

Снегопад все усиливался, вскоре видимость упала практически до нуля, а вместе с ней и скорость. Несколько раз путь перекрывали остовы железнодорожных вагонов со следами давнишних пожаров, их приходилось сдвигать в сторону, дважды колонна выходила к хлипким мостам через небольшие скованные льдом речушки. Оба раза полковник принимал решение переправляться по льду, не доверяя обветшалым бетонным конструкциям, простоявшим без ремонта больше двухсот лет. Его правота была очевидна, ведь в такие морозы неглубокие реки промерзали практически до самого дна. Примерно через час дорогу колонне преградили крупные обломки не то рухнувшего автомобильного моста, не то эстакады – разобрать точнее не представлялось возможным, слишком плотным был снегопад. Минут десять колонна стояла на месте, пока разведчики искали объездной путь, и профессор получил возможность воспользоваться триплексом. Взгляд его уперся в практически сплошную стену падающего снега, и он впервые засомневался в состоятельности своей теории. Как в таких условиях наблюдатели умудрялись хоть что-то увидеть, ему было совершенно непонятно.

Между тем объездной путь был найден, и движение продолжилось. Завалы и перевернутые остовы разнообразной техники стали попадаться все чаще, руины зданий, проглядывающие сквозь снежную пелену, становились все ближе и крупнее, скорость движения колонны резко упала, следующий час они еле ползли. Внезапно движение прекратилось, Ермакова вызвали к полковнику, и он выскочил из кунга. Гидравлику люка снова заело, и один из бойцов уже знакомым профессору способом восстановил ее работоспособность. Ученый удивился вслух, почему никто из бойцов не пошел проводить капитана, на что ему ответили: волноваться, мол, не о чем, в такой снегопад лиги передвигаться не любят. Синицын посмотрел на часы: до прохода спутника еще четверть часа. Капитан не возвращался, радиосеть молчала. Кто-то из бойцов даже умудрился вздремнуть, воспользовавшись возможностью отдохнуть от бесконечной тряски.

Ермаков вернулся через полчаса. Он быстро влез в люк, машинально ударив рукой по тумблеру включения кварцевых ламп, и привычным движением воткнул разъем внутренней сети тягача в гнездо своего скафандра. Затем, окинув взглядом людей, коротко произнес:

– Прошел спутник. Мы в полукилометре от Ярославского вокзала. – Он перевел взгляд на Синицына. Господин профессор, полковник ждет вас в своей БМП. Позвольте, я провожу.

Совещание вышло недолгим. Как выяснилось, колонна была уже практически в центре Москвы, неподалеку от места, обозначенного на старой карте как «Комсомольская площадь». Исходя из сравнения карты и аэрофотосъемки, приняли решение двигаться по Садовому кольцу до здания Счетной Палаты – оттуда до монастыря вела прямая дорога. Но сначала необходимо было дождаться окончания снегопада. Если он вскоре не прекратится, то ситуация начнет складываться угрожающе – ночь застигнет экспедицию посреди города.

Пока пережидали метель, провели дозаправку топливом и пообедали, но профессор так и не смог поесть. Эмоциональное напряжение было слишком велико, и синтетический пищевой концентрат не лез в глотку. В триплексах по-прежнему не было видно ничего, кроме нескончаемого снега, и

Синицын погрузился в тягостное ожидание. К четырем часам ветер начал стихать, снегопад прекратился – наступил штиль. До темноты оставалось не более двух часов, и рейд спешно двинулся через мертвый город.

Стрела ударила в обитый железом борт кунга и, звякнув, отлетела в снег.

– Третий раз за последние пять минут, – подсчитал профессор, – но я по-прежнему никого не вижу!

– Стреляют из развалин, – пояснил Ермаков, – не рискуют высовываться. И правильно, кому охота получить пулю?!

Расстояние в восемь километров, проложенное на карте, на местности преодолевали около часа. Весь десант двигался пешком, высылая вперед дозоры для разведки дороги и прикрываясь техникой от развалин, в кунге остались лишь Синицын с Ермаковым. Капитан наотрез отказался разрешить старому ученому двигаться пешком по городу вместе с бойцами, и теперь профессор не отрывался от перископа триплекса, разглядывая мрачные руины некогда великого города. Рейд двигался медленно, приходилось обходить то огромные завалы из обломков рухнувших мостов и зданий, то глубокие провалы обвалившихся подземных тоннелей. Даже сейчас, спустя многие десятки лет, город отчетливо хранил следы огромных по своей разрушительной мощи пожаров, многократно бушевавших тут когда-то. Обугленные остовы рухнувших многоэтажек, скелеты когда-то знаменитых высоток, и руины, руины, руины... Синицын вздохнул. Совсем не так он представлял себе легендарную столицу. Не было здесь никакого величия, пусть даже бывшего, лишь огромное кладбище истлевших в прах зданий. Все было подернуто копотью и плесенью, повсюду из-под развалин торчали засыпанные снегом деревья, одинаково кривые и чахлые, густо расплзся ядовитый кустарник. Мутировавшая флора имела скудное видовое разнообразие, и если ты видел одно дерево, значит, ты видел их все.

Еще один глухой удар отвлек Синицына от размышлений. На этот раз это был камень, видимо выпущенный из пращи. Хотя кто их знает, этих лигов? Никто толком не изучал, во что превратил их плейотропный эффект генетических мутаций за двести лет.

– Но почему стреляют именно в нас? – удивился ученый, оборачиваясь к Ермакову.

– Потому что это недееспособные лиги, – капитан сидел за триплексом другого борта и наблюдал за противоположной стороной дороги, – как вы помните, порядка шестидесяти процентов лигов рождаются умственно неполноценными. Они, конечно, опасны, но не настолько, как те, другие сорок процентов. Два месяца назад мы проводили рейд в Ярославль, попали в засаду, потеряли одного человека убитым, еще трое получили ранения и были лишены статуса чистых. Еле ноги тогда унесли. Вот в этом самом кунге потом насчитали семнадцать пулевых отверстий, все стекла на триплексах побило. Их совсем недавно заменили, но стекло с антибликовым покрытием не нашлось, поэтому установили обычные. Теперь правый борт тягача на солнце сверкает двумя стеклами, и недееспособные лиги принимают их за глаза какого-то чудовища. Звук двигателя только подогревает их в этом заблуждении. Вот они и стараются.

Он улыбнулся, увидев пораженный взгляд профессора.

– Да вы не волнуйтесь, бронестекло стрелой или копьем не пробить, так что ничего страшного не произойдет. Это нам даже на пользу – лиги стремятся убить свое чудовище и отвлекаются от десанта.

Словно в подтверждение его слов из развалин вылетело кривое копьё и угодило точно в стекло перископа, отчего у Синицына возникло ощущение, что копьё ударило ему прямо в лицо. Он инстинктивно отдернулся и вновь приткнулся к триплексу, ругая себя за излишнюю нервозность. Рука, запустившая копьё, обладала недюжинной силой – ударившись о перископ, копьё отлетело назад на добрый десяток метров. Ученый покрутил верньеры, приближая картинку, и с жадным любопытством

разглядел примитивное оружие. Неровная деревянная палка, скорее всего, обломок строительного мусора, к одному из концов которой был неуклюже примотан грязной веревкой острый осколок металлической трубы. Тягач немного прибавил в скорости, и копые скрылось за границей обзора перископа. Право, весьма жаль, что он не может захватить это копые с собой для дальнейшего изучения. Это позволило бы узнать много интересного о текущем состоянии культуры деградировавших лигов.

Что-то мелькнуло среди развалин, и профессор поспешно завертел рукоятями перископа, пытаясь разглядеть, что это было. Небольшой представитель мутафауны прятался за углом обвалившегося дома и, осторожно высунув безобразную морду, разглядывал движущийся рейд.

– Миша, не считите за труд, взгляните сюда! – торопливо позвал Ермакова ученый. – Что это за существо? Вы не могли бы сказать?

Капитан прислонился к профессорскому триплексу.

– Не знаю, Николай Федорович, – пожал он плечами, – уж больно хорошо спрятался, стервец, не разглядеть толком. Но раньше я таких не видел. По размеру если судить, то собака это, наверное. Их довольно много в городах живет, ходят за лигами по пятам.

Он вернулся к своему перископу и задумчиво добавил:

– Что-то не похоже, чтобы зимний голод и холод мешали лигам заходить в город. Неужели все дело в этом монастыре? Ведь пока до Смоленской площади не дошли, тихо было...

В этот момент колонна остановилась, и бойцы стали занимать свои места в кунгах и десантных отделениях БМП.

– Профессор, впереди то, что вы назвали «Сквером Девичьего Поля», – раздался в головных телефонах раздраженный голос полковника Потапова, – не хочу вас огорчать, но дальше дороги нет, тут кругом настоящий лес, от развалин и до развалин. Так что держитесь крепче, у нас нет времени искать объезд. Скоро начнет темнеть.

Танк развернул башню стволом назад и двинулся напролом, пробивая просеку среди обезображенной мутациями растительности. Колонна пошла за ним, перемалывая гусеницами поваленные деревья, и ученому пришлось двумя руками ухватиться за поручни, чтобы не вылететь из сиденья от сильной тряски. А ведь если верить архивам, еще двести лет назад, до хаоса, видовое разнообразие растительного мира было поистине огромным. В частности, те же деревья были совершенно другими, гораздо более высокими и могучими, и вот так, как сейчас, проехать сквозь них, пусть даже и на танках, могло и не получиться.

Наконец хруст и скрежет за бортом стихли, колонна прошла еще метров шестьсот и остановилась. Ермаков встал, одним движением переместил автомат со спины на грудь и напряженно улыбнулся Сеницыну:

– Ваш выход, профессор.

Развалины, у которых замерла колонна, мало чем напоминали величественный красавец-монастырь, гордо раскинувшийся на старом спутниковом снимке. Густая корявая растительность заполнила собой пространство возле остатков крепостной стены с уродливыми проломами и огрызками кирпича. Не было статной колокольни, высоко вознесшейся в прозрачно-синее небо. От храма, некогда сверкавшего в ярких солнечных лучах золотом пяти куполов, остались лишь обрушившиеся стены, заснеженным скелетом одиноко торчащие поверх окружавших монастырь остатков стены. Сеницын печально вздохнул. Да простит Шаро Предрекая своих неразумных потомков и ослепленных жаждой власти и наживы современников, чьи души давно уже горят в самом раскаленном месте ада.

Профессор в окружении двух десятков солдат направился к огромному разлому в крепостной стене монастыря, зиявшему на месте ворот. Странно, но около этого импровизированного входа не росло ни одного представителя небогатой мутафлоры. Когда отряд подошел к входу еще ближе, обнаружилось, что снег перед разломом был аккуратно расчищен и вглубь монастырской территории вела широкая тропа. Даже несмотря на недавно прошедший снегопад, было видно, что место это не пустует, наоборот, за ним исправно следили. Военные мгновенно насторожились, и в разлом был отправлен танк с разведчиками на броне. Через пару минут поступил доклад.

– Внутри пусто, тепловизор отметок не выдает, – зашипел помехами голос кого-то из танкистов.

– Это еще не значит, что там никого нет, – тихо пробурчал Ермаков, – холод от насквозь промерзших развалин может заглушить тепловую сигнатуру...

– Ермаков, вперед! – раздалась команда полковника, и капитан лишь пожал плечами, мол, приказ начальника – закон для подчиненного.

– Заходим, – сказал Сеницыну Ермаков и коротко кивнул своим бойцам.

Живое кольцо с ученым в центре вступило на территорию монастыря.

– Поторопитесь, профессор! – затрещал в эфире Потапов. – Уже смеркается, мы сильно опаздываем!

Однако искать мемориальную плиту не пришлось. Ведущая от входа тропа имела несколько ответвлений, но ее основная жила, петляя между развалин и обломков рухнувших монастырских построек, скрывалась в том направлении, где Сеницын рассчитывал начать поиски. Закончилась она широкой, тщательно расчищенной лужайкой, точно в центре которой виднелась вмурованная в землю невзрачная плита. Все пространство вокруг нее было густо вытоптано следами сотен ног. Сеницын подошел к плите. Кто-то совсем недавно заботливо убрал с нее снег, и было хорошо видно, что потемневший от времени гранит сохранил ту самую надпись. Архивы не врал.

– Кто-то был здесь совсем недавно, – один из бойцов осматривал следы, – лиги, штук пять, никак не меньше.

– Вот тебе и пустой город, – огрызнулся второй, напряженно всматриваясь в развалины.

Профессор оглянулся на Ермакова и указал рукой на плиту:

– Это здесь. Прямо под плитой.

Капитан кивнул и отдал приказ. Бойцы, принесшие с собой кирки и лопаты, принялись долбить промерзший грунт вокруг плиты. Кто-то с размаху ударил киркой по плите.

– Пожалуйста, будьте осторожны! – попросил профессор. – Это место является для лигов святыней! Нет нужды разрушать саму плиту!

– Может, прикажете еще расцеловать этих тварей? – огрызнулся боец. – У этого отродья нет ничего святого, кроме наркоты.

– Разговорчики! – подал голос Ермаков, и боец умолк.

Через десять минут стало ясно, что смерзшийся в многометровую толщу грунт можно долбить до утра с тем же успехом. К плите, петляя между развалинами, подошла БМП полковника. Потапов вылез из командирского люка и, бросив короткий взгляд на редкие комья смерзшейся земли, вылетающие из-под кирок, приказал Ермакову:

– Взрывай!

– Но позвольте, господин полковник! – У Сеницына расширились глаза. – Ведь это святыня! И не только для лигов! Вы не можете так поступить, это же ужасно!

– Ужасно будет заночевать возле этой вашей святыни! – зло отрезал Потапов. – Вы что, не видите? Город далеко не пуст! Через час вокруг будет тьма кромешная! И так бы успеть уйти. Капитан! – он сверкнул глазами на Ермакова. – Ты еще здесь?!

Через пять минут вокруг плиты заложили заряды, и люди поспешили отойти на безопасное расстояние.

– Давай! – скомандовал Ермаков.

Боец прокрутил рукоять подрывной машинки и вдавил кнопку. Через гермошлем противогаза грохот от взрыва прозвучал глухо и неубедительно. Куски расколовшейся надвое мемориальной плиты вперемешку с обледенелой землей взлетели в воздух. Синицын бросился было собирать обломки, но Ермаков поймал его за локоть и настойчиво потащил за собой к неглубокой воронке.

– Перестаньте, профессор, сейчас не время для бессмысленных церемоний!

– Господин полковник, тут что-то есть! – Один из бойцов разгреб вывороченную землю. – Похоже, контейнер.

Он неуверенно ухватился за угол маленького серого цилиндра, на треть торчащего со дна воронки.

– Он каменный вроде, – удивился боец.

– Извлечь! – рявкнул Потапов. – Быстро! И уходим! – Он побежал к БМП, на ходу бросив Ермакову: Даю на все про все пять минут!

Боец взял кирку и в несколько ударов отколол кусок ледяной почвы с вмержшим в него цилиндром от дна воронки. Он бросил инструмент и с видимым усилием поднял контейнер.

– Тяжелый, зараза! Куда его, господин капи...

Неожиданно боец дернулся, и его слова перешли в хрип. Он выронил цилиндр и, судорожно хватая ртом воздух, пытался дотянуться руками куда-то себе за спину. Затем его колени подогнулись, боец медленно осел на землю и рухнул на утопанный снег лицом вниз. Синицын, словно загипнотизированный, не мог отвести взгляда от короткого ржавого куска металлической арматуры, торчащего из спины бойца. Из-под разодранных краев скафандра темной лужицей, опоясывающей вонзившуюся в человеческую плоть железку, быстро выступала кровь. Тонкая струйка лениво потекла по грязной резине скафандра, и на снег упали первые красные капли.

– Лиги! – Раздавшийся в эфире крик вывел ученого из оцепенения.

Синицын побежал к лежащему человеку, совсем не понимая, чем же он сможет тому помочь. Что-то маленькое и очень быстрое промелькнуло в воздухе совсем рядом, и сзади раздался крик боли.

– Ложись! – заорал Ермаков и одним прыжком подмял под себя профессора.

Разом загремели автоматные очереди, взревела техника.

– Не двигайтесь, профессор! – раздался голос Ермакова, и тут же: Свет! Прожекторы на развалины!

Капитан придавил его собой, стремясь максимально закрыть от врага своим телом, и дышать стало тяжело. Синицын попытался пошевелить головой и посмотреть вокруг.

Отовсюду со стороны многочисленных развалин к ним неуклюже бежали замотанные в грязные лохмотья люди, быстро заполнявшие собой окружающее пространство. Раньше ему доводилось видеть живых лигов лишь во время археологических рейдов, когда солдаты подгоняли к месту раскопок «свинарник», и выпущенные оттуда лиги-рабы под конвоем разбирали завалы и грузили ценные находки. Оборванные, грязные, изуродованные генетическими мутациями существа, язык не поворачивался назвать их людьми, вызывали у профессора лишь чувство жалости и сострадания, смешанное с брезгливостью. Однако сейчас все было совершенно иначе. Десятки, возможно, даже сотни лигов ринулись на людей, пылая ненавистью. Большие и маленькие, горбатые и тощие, с чудовищными уродствами, непропорциональными телами, с недостатком и избытком конечностей, и даже внешне похожие на полноценных людей – огромная толпа жаждала крови чистых. Почти все прямоходящие лиги были вооружены примитивным оружием, те же из них, кто мог передвигаться лишь на четвереньках, просто рвали вцепиться в людей зубами. Посреди толпы мелькали лучники, профессор разглядел пару арбалетчиков. Со всех сторон в солдат летели стрелы, копыя и камни. Лучи

танковых прожекторов, скользящие по развалинам в сгущавшихся сумерках, выхватывали все новые и новые потоки лигов, вылезающих из недр раскаленных от холода руин.

В первое мгновение Сеницыну показалось, что разъяренная толпа сметет людей в считанные секунды. Но автомат-пулеметный огонь рейда, меланхоличным треском глухо пробивавшийся через гермошлем противогаза, делал свое дело. Метрах в тридцати от людей лиги спотыкались и падали, неуклюже кувыркаясь. Некоторые из них, наиболее живучие, пробежали еще несколько шагов, истекая кровью, густыми фонтанчиками бьющей из разорванной пулями плоти. Но потом и они падали в быстро багровеющий снег. Гулко застучала автоматическая пушка БМП, и в самом центре беснующейся толпы легла цепочка разрывов, разбрасывая во все стороны грязь, кровь и несущий смерть металл. Со стороны входного пролома вспыхнул прожектор идущей на помощь боевой машины с десантом на броне, замерцали вспышки автоматных очередей, и спустя несколько секунд лиги оказались под перекрестным огнем. Неожиданно оглушительно громыхнул выстрелом танк, и на развалинах, кишащих лигами, расцвел оранжево-огненный цветок взрыва. В воздух полетели исковерканные тела вперемешку с землей и обломками кирпича. Вновь дробно застучали короткими очередями пушки БМП, перепыхивая атакующую толпу, и треск автоматных очередей на секунду потонул в грохоте танкового выстрела. Наступление захлебнулось, и лиги отчаянно заматались в попытке укрыться от безжалостной смерти. Земля быстро покрывалась десятками неподвижных и бьющихся в агонии тел. В приглушенной гермошлемом какофонии боя стоны и крики умирающих были неслышны, и профессору казалось, что корчащиеся от боли лиги безмолвно открывают и закрывают рты, словно в жутком кошмарном сне. Старый ученый почувствовал, как по щекам текут слезы, и закрыл глаза.

– Отрезать их от развалин! – зычно прозвучала команда Потапова, перекрывая боевой радиообмен. – Прижать эту мразь к земле! Не давать подняться! Технике сосредоточить огонь на развалинах!

– Оставайтесь здесь, профессор! – услышал Сеницын голос Ермакова.

Капитан куда-то убежал, и дышать стало легче. Еще несколько минут ученый лежал, словно в забытии, потом грохот боя прекратился, сменившись какой-то возней. Возвращаться в реальность было омерзительно, но профессор усилием воли заставил себя открыть глаза и прислушался к радиоэффиру.

– ... «свинарник» правее! – Голос принадлежал полковнику Потапову. – Шевелитесь, если не хотите остаться здесь на ночь! И повнимательнее, чтоб никаких дебилов!

Оказалось, что вся техника, за исключением одной БМП, уже была здесь, освещая прожекторами залитую кровью и заваленную телами территорию монастыря. Посреди двора, под дулами автоматов, прижавшись друг к другу, стояло десятка три лигов. Несколько бойцов выдергивали их из толпы поодиночке, наскоро осматривали и задавали короткий вопрос. Если лиг отвечал более или менее разумно, двое солдат хватали его и заталкивали в стоящий рядом «свинарник». Если же умственное состояние лига не соответствовало минимальным требованиям, его отталкивали в сторону автоматным стволом.

– Вы в порядке, Николай Федорович? – Ермаков подошел к профессору, все еще лежащему на земле. – Герметизация не нарушена?

– Да, Миша, в порядке, – ученый медленно поднялся на ноги, – если, конечно, это можно назвать порядком...

– Вот, возьмите, – капитан протянул Сеницыну гранитный цилиндр. – Надо уходить, и чем скорее, тем лучше. – Он кивнул в сторону тягача и добавил: Еще минут двадцать и будет совсем темно. Придется выходить из города на инфракрасных прожекторах. Хотя привлечь к себе внимание еще сильнее уже попросту невозможно.

Профессор двумя руками прижал к груди увесистый цилиндр и побрел к тягачу, стараясь не наступить на лежащие повсюду в пропитанном кровью снегу тела.

– Возвращаться назад будет гораздо проще, – машинально ответил он Ермакову, – дорога уже известна. Да и чего нам бояться? Вооруженных копьями инвалидов, терзаемых вечной болью...

– Эти инвалиды убили двух наших людей! – злобно зашипел эфир голосом Потапова. – И в городе полно этих кровожадных тварей! Внимание всем! Через пять минут уходим! Шевелитесь!

Синицын молча влез внутрь кунга, занял свое место и принялся разглядывать цилиндр. К чему бы ни привело то, что спрятано внутри, если оно может спасти этот изуродованный мир, корчащийся в муках боли, или хотя бы облегчить его страдания, оно должно быть найдено. Профессор смотрел на тщательно отполированную двести лет назад поверхность гранита, но перед глазами у него застыла картина монастырского двора, усеянного обезображенными мутациями телами, лежащими на густо залитом кровью снегу. Они просто хотели защитить свою святыню...

Тягач рванул с места неожиданно быстро, и профессор в который раз ударился гермошлемом о стену. Если бы не противогаз, уже давно бы разбил себе голову, попытался пошутить сам с собой Синицын, но это не помогло. Тяжелый осадок на душе саднил, словно лопнувший нарыв. Колонна возвращалась по собственным следам, механики-водители держали максимально возможную среди городских руин скорость, пытаясь как можно быстрее покинуть город. Тягач трясло, словно он ехал по огромной стиральной доске со встроенной функцией вибромассажа. Профессор вцепился руками в поручни и уперся ногами в пол, но даже это не спасало от зубодробительной тряски. Сидящие рядом бойцы чувствовали себя не намного комфортней, каждый держался за что мог, стараясь не вылететь из сидения. Ставшее привычным за время рейда постоянное наблюдение за местностью через перископы не проводилось. Впрочем, снаружи сейчас кромешная тьма, полковник приказал погасить любые огни, включая габаритные, и путь освещался только инфракрасными прожекторами. Интересно, есть ли у триплексов инфракрасный режим?

Оказалось, что есть. Как только колонна вышла на железнодорожные пути у Ярославского вокзала, тряска существенно уменьшилась и Ермаков немедленно приказал возобновить круговое наблюдение.

– Николай Федорович, сколько еще до выхода из города? – спросил капитан спустя четверть часа.

– Полагаю, мы уже пересекли Священную МКАД, – профессор представил себе карту, – но там практически сразу Мытищи, так что всего до границы зоны развалин где-то километров тридцать будет, если верить аэрофотосъемке.

Ермаков хмуро кивнул. Он по-прежнему выглядел крайне обеспокоенным, и тревога капитана передалась профессору. Понимая, что просто так Ермаков нервничать не станет, Синицын спросил:

– Миша, вас что-то беспокоит?

Капитан собрался было ответить, как вдруг что-то звякнуло, и практически сразу звук повторился.

– Черт! – выругался один из наблюдателей.

Ермаков резко обернулся к нему.

– Триплекс разбился, – доложил боец.

– И мой... – Второй наблюдатель правого борта тоже отстранился от перископа.

Удивленный профессор уже открыл рот, чтобы спросить, как может разбиться бронестекло, да еще в двух триплексах сразу, но не успел. Снаружи раздался взрыв, потом еще, и тишина за бортом сменилась густым стрекотом пулеметных очередей. В следующее мгновение где-то совсем рядом громыхнуло, и тягач со всего размаху остановился и принялся крутиться вокруг своей оси на одном месте. Люди полетели на пол. Профессора сорвало с сиденья и вместе с цилиндром швырнуло куда-то в угол. Сверху на него упало чье-то тело, на лицевой щиток противогаза брызнула кровь.

– Подсолнухи!!! – Истошный вопль, словно ножом, вспорол эфир.

Тут же гроыхнуло снова, тягач вздрогнул и замер на месте, надрывно рыча двигателем и нервно подрагивая. Убитого сорвало с профессора и отшвырнуло в сторону. Рядом кто-то дико кричал от боли, крик одновременно пробивался через гермошлем и хрипел в головных телефонах, забивая радиоэфир близким сигналом. Профессор прижал цилиндр к животу и сжался в комок, плотнее забиваясь в угол. Он увидел, как кто-то из солдат открыл входной люк и попытался выскочить на улицу, но прямо в дверном проеме его швырнуло на крышку люка, тело неестественно поломалось и мешком вывалилось из кунга. Снаружи что-то ярко пылало, разбрасывая вокруг снопы искр и языки пламени, глухо гремели разрывы, прорезая темноту короткими вспышками. Эфир был заполнен паническими криками, обрывками команд, тонущих во всеобщей неразберихе, стонами и хрипами. Борту кунга мелко подрагивали, словно некто недовольный снаружи настойчиво стучал по ним кулаками, требуя впустить его внутрь, и стены прямо на глазах густо покрывались отверстиями. Синицын почувствовал, как кто-то схватил его за руку. Это оказался Ермаков. Капитан, вжавшись в пол, знаками показывал, что необходимо выбираться наружу. Профессор кивнул, и Ермаков быстро пополз к люку, пробивая дорогу между лежащими мертвыми телами. Синицын, прижимая к себе цилиндр, неуклюже карабкался за ним. Капитан, будто ящерица, выскользнул наружу и растворился в пылающей пожарами ночной тьме. Едва профессор дополз до дверного проема, как возникший из темноты Ермаков схватил его за подмышки, одним движением выдернул из кунга и, не отпуская, потащил к стоящему на прицепе «свинарнику». Они упали в снег, укрывшись за мощным колесом, и замерли. Капитан прислонил указательный палец к своему гермошлему на уровне рта, призывая сохранять тишину, и быстрым движением отключил встроенную в скафандр ученого рацию. Затем он ткнулся своим гермошлемом в гермошлем профессора, чтобы было слышно лучше, и сказал:

– Они прослушивают наш эфир. Говорим только напрямую. Готовьтесь, профессор, скоро надо будет бежать как можно быстрее!

Синицын кивнул и огляделся. Вокруг была кромешная тьма, посреди которой в свете мечущегося пламени замерла растерзанная колонна. Повсюду лежали трупы солдат. Головной танк был густо объят огнем, замыкающая колонну БМП и вовсе представляла собой один большой факел. Гигантские неровные тени скользили по снегу в безумной пляске перекрестных пожаров. У обоих тягачей были разорваны гусеницы, ведущие ролики все еще деловито вращались, подчиняясь работающим двигателям. Две уцелевшие БМП попытались укрыться за горящим танком и вели огонь, посылая штрихи очередей в темноту. Метрах в пятидесяти в развалинах вспыхивали взрывы. Ответного огня профессор не разглядел, а высовываться из своего укрытия ради выяснения обстановки он не рискнул.

– Почему в нас не стреляют? – спросил он Ермакова. – Вы их уничтожили?

Капитан криво ухмыльнулся:

– Мы их даже не видели. Броня наугад долбит. – Он достал какой-то прямоугольный предмет и что-то воткнул в его торцевую часть. – А не стреляют в нас потому, что не хотят зацепить «свинарник».

– Им нужны пленные? – догадался старик.

– Угу, – кивнул Ермаков, – и бочка с топливом. Но у меня есть для них сюрприз.

Он чем-то щелкнул, и на предмете в его руках загорелся тусклый огонек.

– Что это? – поинтересовался Синицын.

– Прилипающая мина. Ждите здесь. – Он снова растворился в темноте.

Оставшись один, профессор сразу почувствовал страх. Ему казалось, что со всех сторон в него впились глазами сотни безжалостных кровожадных подсолнухов, которые только и ждут, когда он покинет спасительную тень «свинарника». Синицын вжался в колесо и замер, стараясь слиться с местностью. Пытаясь не шевелиться, он всматривался в темноту, силясь обнаружить затаившихся врагов. В какой-то миг ему показалось, что он увидел, как белый силуэт, полностью сливающийся со

снегом, стремительно и бесшумно промелькнул совсем рядом со «свинарником». Старик даже перестал дышать от охватившего его ужаса, но, присмотревшись, понял, что скорее всего это мечущиеся по снегу тени сыграли с ним злую шутку.

Рядом раздался тихий шорох, и Сеницын обмер. Из темноты появился Ермаков.

– Порядок, – сообщил он. – Теперь бежим. Вы готовы?

Ученый лишь судорожно закивал. Капитан забрал у него цилиндр и помог подняться.

– Бегите за мной, как только можете, – он крепко взял профессора за локоть, – если повезет, успеем добежать до БМП, пока нас не пристрелят, или пока БМП не уйдут. Странно, что они до сих пор еще здесь.

С этими словами капитан рванул бегом, таща за собой ученого. Сеницын побежал что есть силы, но уже через двадцать метров возраст беспощадно заявил о себе, и старик упал на снег, судорожно хватая ртом воздух. Ермаков взвалил его на себя и побежал, пытаясь пригнуться на ходу. Волею Шаро Предрекшей в них никто не стрелял, и болтающийся на капитанском плече Сеницын успел даже подумать, а отчего же действительно БМП давным-давно не ушли отсюда куда подальше на полном ходу.

Они успели практически в последний момент. Едва Ермаков с профессором на плечах выскочил к БМП, его чуть не застрелили свои же. Человек десять бойцов залегли возле боевых машин в ожидании противника, пока двое танкистов, прижимаясь к броне, ковырялись с ходовым прожектором инфракрасного диапазона. Один из них развернулся к десанту и коротко махнул рукой. Солдаты тут же вскочили и быстро принялись грузиться в БМП. Сеницына, не церемонясь, просто забросили в десантное отделение. Боевая машина вздрогнула и рванулась с места. Судя по доносившемуся сзади реву двигателя, вторая БМП шла за ней след в след.

– Чертовы твари, видимо, вели нас от самого вокзала! – произнес кто-то из бойцов, обращаясь к соседу.

– Сколько их было? – спросил второй.

– А кто их знает, – хмыкнул первый, – на тепловизоре, говорят, пять отметок мелькнуло...

– Повезло, – констатировал второй, – мало их было, вот мы и вырвались.

– Ничего, сейчас отсалютуем напоследок, – раздался голос Ермакова.

Капитан обнаружился возле десантного люка. В руках у него был пульт дистанционного управления подрывом. Ермаков нажал на кнопку, но грохота взрыва не последовало. Вместо этого на пульте загорелся красный огонек.

– Твою мать! – выругался Ермаков. – Они сняли заряд! Когда только успели... – Он еще пару раз нажал на кнопку, после чего отбросил бесполезный пульт и окинул выживших взглядом. – А ведь мы в рубашке родились. От подсолнухов живыми уйти...

Он замолчал, и в десантном отделении воцарилась тишина, сопровождаемая нещадной тряской и глухим рокотом двигателей.

Президент Федотов обставил их возвращение с помпой. Пару обожженных БМП с измученными солдатами на борту встречали как героев, с транспарантами и торжественными речами. Погибшему Потапову посмертно присвоили генеральское звание, Ермаков вне очереди получил подполковника и потаповскую должность, все выжившие были отмечены наградами и повышенными продовольственными пайками. Даже родственникам погибших на целый месяц выписали полуторные нормы синтетического пищевого концентрата, чего обычно не делалось. Журналисты мгновенно выдали «на-гора» несколько очерков и статей, посвященных мужеству и героизму воинов Угличского ЦСГР, проявленному при разгроме подсолнухов. Одним словом, Президент лишний раз доказал свое

полное соответствие занимаемой должности, эффективными действиями предупреждая волнения и недовольство среди населения, которые могли бы возникнуть, взгляни это самое население на происшедшее с другой стороны: Центр за одни сутки потерял убитыми три десятка бойцов, лишился четырех единиц техники и полторы тонны горючего. Федотов настолько искусно сманипулировал общественным мнением, что благодаря разгромленному рейду его популярность только повысилась.

Но главным героем похода стал профессор Сеницын, которого теперь называли не иначе как отцом-вдохновителем великой миссии, обнаружившей ключ к «Наследию» Великой Шаро. Президент лично назвал его корифеем исторической науки и светилом мировой величины.

Спустя час после окончания торжественной встречи Президент со своим ближайшим окружением стоял в лаборатории Сеницына, где под руководством профессора ассистенты проводили вскрытие цилиндра. Гранитную стенку аккуратно надпилили с нескольких сторон, после чего применили молоток. Цилиндр раскололся. Среди его обломков обнаружилась запаянная в хрусталь небольшая платиновая пластинка с короткой строкой выпуклых цифр. Пластинку бережно извлекли и положили под электронный микроскоп, но никаких данных или скрытых элементов ни на ней, ни внутри нее не нашли.

– Кроме этих цифр, тут больше ничего нет, – наконец сдался ассистент, вот уже двадцать минут колдовавший над микроскопом.

– Хм... – Федотов, склонив голову набок, разглядывал надпись: Это похоже на угловые координаты. Тридцать один градус, десять минут, ноль-ноль секунд. М-да, не очень-то информативно... а эти две буквы английские?

– Это северная широта! – заявил Сеницын. – Это первая часть пары координат того места, где Шаро Предрекая спрятала свое «Наследие». В этом нет никаких сомнений!

Президент поморщился:

– И вы полагаете, что недостающая часть координат находится под подобной плитой в развалинах Лос-Анджелеса?

– Совершенно верно! – Глаза профессора вспыхнули. – Это был гениальный план Великой Шаро и доктора Уэйна, части координат закладывались под плиты в разное время, с разрывом в два десятилетия! Все было рассчитано именно на последующие поколения! Современники не должны были даже догадываться о «Наследии»! Его тщательно скрывали от ищеек «Сёрвайвинг Корпорэйшн»!

– Хочу напомнить вам, уважаемый профессор, что мы все, и вы в том числе, и вообще все, кто еще борется в этом мире за будущее, являемся потомками людей, составлявших эту самую «Сёрвайвинг Корпорэйшн», и обязаны ей своим существованием! – официальным тоном изрек Президент.

Сеницын счел разумным не напоминать в свою очередь, что именно из-за деятельности злополучного концерна всем им и приходится теперь бороться за жизнь. Вместо этого он выдержал паузу и торжественно заявил, обращаясь к Федотову:

– Мы должны разработать план и снарядить экспедицию за второй частью координат! Мы на пороге величайшего открытия! Возможно, мы на пороге всеобщего спасения в масштабах планеты!

– Экспедицию за океан? Это гораздо проще сказать, чем сделать! – скептически усмехнулся Президент. – Да и найденная широта проходит от нас уж больно далековато. Самим не добраться. Значит, придется делиться... – Он замолчал и задумался.

– Но мы же не можем бросить все это на полпути! – воскликнул профессор. – Особенно сейчас, когда уже потрачено столько усилий!

– Разумеется, уважаемый профессор! – ответил Федотов. – Гибель наших людей не была напрасной. Но этот вопрос крайне серьезен, мы должны изучить детали, обдумать все нюансы и подробно

спланировать наши действия. На первом этапе поручаю вам разработать предложения. Я официально разрешаю вам внеочередную запись на президентскую аудиенцию по этому вопросу. А сейчас мне пора идти.

Федотов попрощался и вышел, сопровождаемый свитой, оставив Сеницына получать поздравления от многочисленных завистников, в одну минуту превратившихся в преданных друзей.

Вернувшись в свой кабинет, Президент вызвал начальника службы безопасности:

– Глаз со старика не спускать. – Федотов смотрел на силовика в упор так, что у того по спине побежали мурашки. – День и ночь, понял? Я должен знать о каждом его шаге, о каждой написанной им строчке, о каждом произнесенном слове.

– Слушаюсь, господин Президент! – Безопасник вытянулся в струнку.

– Табличку изъять и объявить государственной тайной. Выясни, кто успел запомнить цифры, и проследи, чтобы держали язык за зубами, на всякий случай.

– Есть!

Президент Федотов замолчал и принялся размышлять, глядя сквозь силовика невидящим взглядом.

– Ведь все равно узнают рано или поздно, – задумчиво пробормотал он с нотками досады в голосе. – Кто бы мог подумать, что все так обернется...

Федотов вновь поглядел на начальника службы безопасности:

– И организуй мне максимально закрытую линию связи с президентом ЦСГР «Русский Остров».

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com